

СИНДРОМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ТЕОРИИ РЕФОРМ

Самым волнующим вопросом для нашего общества начала 90-х годов XX века, особенно после августа 1991 г., является его трансформация к лучшему посредством реформ, так как революции никто не хочет. Но каким должно быть это общество, никто не знает, так как ни соответствующей теории, ни убедительной программы нет.

Реформы взялись осуществить экономисты, исходившие из имевшихся профессиональных представлений, сложившихся у них ещё в лоне бывшего псевдосоциалистического общества.

Но нет уверенности, что именно экономистам должна принадлежать ведущая и управляющая роль, хотя, вероятно, и без экономистов обойтись нельзя. Экономистика даёт нам лишь аспект общей картины.

Наше нынешнее российское общество представляет собою сложнейший узел реальных проблем при весьма слабом и поверхностном духовно-теоретическом и интеллектуальном (= логическом) их освоении.

Поэтому, видимо, и происходит, что экономисты, **обладающие хоть какой-то системой идей**, оказываются в предпочтительном положении, когда президенту приходится выбирать, кому поручить реформы. Это, однако, НЕ значит, что в распоряжении наших уважаемых экономистов находится *адекватный* комплекс многообразного знания, который, если он будет приведён в действие, обеспечит, чтобы наше общество могло справиться с тем кризисом, во власти которого оно оказалось.

Сегодня, в августе 1993 г., уже ясно, что важнейшей предпосылкой успешных реформ, является *вопрос о мышлении*, о том, КАК надо мыслить и о том КАКИМ *должно быть* мышление, ибо мышление исследует, предвидит, открывает необходимые перспективы и формирует адекватную волю к действию.

Что такое "синдром экономического мышления"?

Оставаясь при имеющейся у них типологии сознания, люди не могут осознать своего собственного сознания. Поэтому-то и не может быть никаких действительных реформ. Не может быть, потому что сознание остаётся консервативным и репродуктивно воспроизводящимся, а реформы предполагают *обновление*: преобразование. А преобразования, – как переводится на русский слово «реформы», – невозможны без критического отношения к своему мышлению, к типологии сознания вообще, без теоретического построения новой модели бытия, что возможно только при наличии принципиально новой модели социального сознания и мышления (мировоззрения).

Тот тип социального сознания, который распространён сегодня в нашем обществе, является *экономическим* по содержанию, по причинной обусловленности и по своей целенаправленности. Все стремятся к тому, чтобы иметь дешёвые и качественные товары.

Время же, в котором живёт наша страна, эпоха, в которую вступает человечество, должны быть охарактеризованы как сверхэкономические (как метаэкономические) по своему содержанию, по причинности и по целеполаганию. Это значит, что приоритетное значение, императивное значение, приобретает и уже имеет *творческий потенциал человека*, его *способности и таланты*, которые должны быть всемерно развиваемыми, ибо от этого зависит и решение экологических проблем (возможность избежать экологической катастрофы), и эффективность экономики. Если «клеточкой» нынешнего общества и эпохи в целом является *товар* как воплощение специфических общественных отношений, в системе которых доминирует накопленный (т. е. – мёртвый) труд, – то есть – фактор экстенсивный, – то «клеточкой» вызревающего в недрах нынешней эпохи *«определяющего начала»* является ТАЛАНТ, воплощающий в себе исторически новую систему общественных отношений, включающую экономические взаимодействия, но – не сводимую к экономике, как к системе отношений.

Наше время иногда называют *переходным*, но обоснованным такое определение станет только в том случае, если мы нацелимся на переход от господства товарных (= *экономических*) отношений к доминированию метаэкономических, то есть – *гуманистических* отношений, содержание которых сосредоточено вокруг цели повышения творческого потенциала личности и общества и освобождения их от диктата экономического принуждения в этой сфере, где «производятся» не товары, а – высшие человеческие качества: способности, таланты, неординарный интеллект, новаторский пафос личности, да и сама *личность* (в отличие от *рабочей*

силы, как это характерно для экономических отношений). Итак, следовательно, если рассмотреть это применительно к человеку, экономические отношения производят рабочую силу, а гуманистические отношения «производят» творческую личность, обладающую талантом и творческим потенциалом, которые принципиально не должны приравниваться к меновой стоимости как к эквиваленту, как это делается в сфере экономического принуждения, то есть в сфере *экономического отчуждения*. Экономические отношения обязательно несут в себе момент принуждения как рудимент рабства. А творчеству, в котором остро нуждается наступающая гуманистическая эпоха, противопоставлены рабство, отчуждение, принуждение, угнетение, репрессии, тюрьмы, пытки и вообще экономико-юридический профессиональный идиотизм, то есть профессионально-ограниченное понимание эпохи, переходящее в профессионально-ограниченное управление процессами социума. На деле это ведёт к застою, так как данная система общественных отношений *воспроизводится*, ибо управляется нормами, принципами, критериями, заимствованными из прошлого. Развития не происходит.

Экономическое мышление вообще репродуктивно: в принципе, так как два его «полюса» (меновая и потребительная стоимость товара) замкнуты друг на друге в репродуктивно-воспроизводительную связь.

Болезненное состояние социального мышления, обозначенное мною как «синдром экономического мышления», проистекает из того, что наши уважаемые экономисты не улавливают и не различают принципиальной несоизмеримости между **вещественными факторами производства** и *личностными факторами производства*.

Если вещественные факторы, выступая в сфере экономических отношений **как товары**, не способны сами по себе превращать природные субстраты в товары, то личностные факторы производства (рабочая сила, организаторский талант, творческий дар, изобретательский потенциал, новаторский пафос личности) способны сами по себе произвести из природной субстанции как товары, так и воспитать новое поколение людей, обладающих повышенным творческим потенциалом, – но, тем не менее, в сфере экономических отношений рассматриваются, оцениваются и реализуются **как товары**, то есть – по стоимости, то это – нонсенс.

Ясно, что это нелогично, несправедливо и непродуктивно (= неэффективно). Но так как экономическое мышление других оценок не знает (и других «механизмов» реализации в себе не содержит!), то получается, что *личностные факторы производства* ОБРЕЧЕНЫ в сфере экономической причинности на *минимальную* реализацию своих творческих возможностей, ибо им предписан статус товаров, бытие товара (т.е. бытие вещи) или динамика товара, и тем самым – ОГРАНИЧЕННОСТЬ возможностей вещественно-товарного феномена.

При экономической детерминации процесса реформ эти обстоятельства и повелевают говорить о «синдроме экономического мышления», то есть – о недостаточности экономического подхода.

Но «синдром экономического мышления» имеет ещё один аспект: экономическая организация общественной жизни, проявляясь как определённая логика социального бытия, как определённый «смысл жизни», *отягощена* целым рядом негативных проявлений, имеющих прямо-таки катастрофический смысл. Это, прежде всего, войны, которые идут **из-за собственности**. Экономика – влечёт **однобокое развитие человеческих сущностных сил**, так как при господстве экономических интересов и экономических мотивов организации производства жертвуют всесторонним развитием человека во имя дешевизны и конкурентоспособности товара: ради товара применяется калечащая человека система разделения труда.

Экономика имеет своим результатом разрушение экологического равновесия биосферы, так как технологии, на которых держится экономика, враждебны всему живому, ибо это *неорганические* технологии, приобретающие размах и значение геологических катаклизмов в форме индустриализма, и всё – в погоне за массой дешёвых товаров.

Экономика – это причина роста преступности, ибо последняя «вдохновляется», опять-таки, мотивами собственности, с одной стороны, а с другой – низким уровнем духовного, научного, интеллектуального развития человека, который низведён до положения СРЕДСТВА в потоке товаропроизводства.

Экономика – это причина проституции как одного из самых ярких проявлений отчуждения личности от ценностей гуманизма и культуры.

Экономика – это причина коррупции, от которой страдает общество, в котором продаётся всё и вся и в котором значение денег и «имущественных интересов» выдвинуто на первый план в сравнении с интересами гуманистическими.

Экономика влечёт нравственное разложение общества, так как в погоне за рекламой товаров, за «кассовостью» кинофильмов и телевизионных программ, наметилась явная «перегрузка» сценами насилия и убийства, а также – сексуальными фильмами и соответствующими рекламными роликами – с целью привлечь как можно большую массу покупателей товаров. Товар оказывается важнее нравственности и гуманистического формирования личности.

Экономика, в конце концов, выступает как причина массового распада семей, наркомании и – подрыва нормального воспитания детей. Об этом недавно с тревогой писал гамбургский «Шпигель» (см. перепечатку в «За рубежом» № 12, от 26/III-1/IV-1993, с. 16-17).

Если осмыслить весь этот «НЕГАТИВ» в совокупности и осознать, какой мрачный след тянется за экономикой как образом производства и воспроизводства общественной жизни и как **проявлением модели социального мышления**, то можно определённо положить **начало пониманию** того, насколько неоправданно возлагать надежды на экономистов в деле возрождения России, в деле реформирования нашего экономически отставшего общества.

Когда высказывается «идея», «программа», «намерение» и «вера» экономистов, что можно *экономику* реформировать *экономическими* методами в атмосфере *экономического* отчуждения личности – в социально-исторических условиях *экономического ослепления* социума, – то это, по крайней мере, должно настораживать!

Ведь в этом же нет необходимой культуры мышления!

Реформы должны реализовываться при условии постоянного осознания всего этого НЕГАТИВА экономики как *сущности*, во-вторых, мыслиться не просто как экономические манипуляции, не как экономическая эквилибристика (латинское «эквилибристика» означает – находящийся в равновесии), а как проявление ПОНИМАНИЯ (= осознанности) того, что ныне происходит *смена эпох*.

Реформы – это не сохранение равновесия, а переход в новую меру культуры труда.

Наша эпоха означает ПЕРЕХОД от «равновесия», от соизмеримости того, что веками казалось и считалось эквивалентным и соизмеримым (не будучи таковым в действительности!) – к признанию полной несоизмеримости труда, созидającego стоимости, и труда, созидającego ценности.

В экономическом мышлении – труд, созидающий всё, что он созидает, приравнивается к сумме денег или к сумме вещей – товаров, которые на эти деньги можно купить. Но в том-то и казус, что ни деньги, ни товары, на них купленные, не способны непосредственно к созиданию. И потому не может быть эквивалентности (соизмеримости) между трудом как действием творческого созидательного потенциала личности, и товаром или деньгами, ибо таковые не обладают творчеством (См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 551).

Это чрезвычайно важно уяснить нашим уважаемым реформаторам: потребительная стоимость личности (личности, а не рабочей силы), способной к творческому труду, несоизмерима с меновой стоимостью денег (= зарплаты), которой эта личность вознаграждается. И потому такие эквивалентные отношения между ними, которые устанавливает экономическое мышление, означают по существу ПРЕДЕЛ для полной реализации творческого потенциала личности. А это значит, что при таком порядке вещей – общество оказывается неспособным решать экологические, научно-исследовательские, социально-педагогические, ноосферные, социально-технологические и другие проблемы, так как они не могут быть экономически стимулируемыми, ибо не освобождают рабочую силу от её положения товара, а труд – от стоимостного регулирования, ибо не признаётся ЦЕННОСТЬ личности и ЦЕННОСТЬ новой типологии труда.

Смена эпох, перед фактом которой мы стоим, это процесс становления НОВОГО ТИПА (нового в историческом смысле) социального бытия, и этому становлению необходимо помочь нетривиальными социально-интеллектуальными методами и средствами, так как этому становлению объективно присуща нетривиальная логика, отличная от логики экономического мышления – логика гуманистического мышления.

Меня экономисты не устраивают не как экономисты, а – как мыслители. Они ввязались в исторический процесс, не понимая (с их бухгалтерским умом), ни логики социального процесса, ни истории, теоретически проложенной в будущее. – Произошло это по недоразумению и самих экономистов, и тех, кто их допустил – по существу – к делу исторических преобразований, тогда как они способны лишь сводить дебет и кредит в условиях, когда история, так сказать, «не движется», то есть – не переходит в новое категориальное и социально-культурное состояние. НО в том-то и суть, что история сегодня как раз ПЕРЕХОДИТ в новую МЕРУ культуры. –

Ни М.С. Горбачёв и вся его «президентская рать», ни нынешний М.С. Горбачёв со всем его Фондом (который так ничего и не открыл для спасения России), ни Б.Н. Ельцин со всеми его экспертами, помощниками и консультантами-аналитиками, да и наше общество в целом – **из-за синдрома экономического мышления** не понимали и не понимают современной истории и логики современности – в фундаментальном, адекватном современности, аспекте и поэтому **допустили экономистов**, с их товарно-денежной догматикой, с их непониманием *актуального значения факта несоизмеримости* меновой и потребительной стоимости, – к делу по существу НОВАТОРСКОМУ, нетривиальному, которое они, – не понимая его сущности, – исполнить НЕ могут! Речь-то должна идти о перемене МОДЕЛИ логики истории: в этом состоит ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ наших дней!

Трагедия всего *наличного* у нашего общества сознания состоит в том, что оно (общество) вознамерилось с имеющимся у него *лукошком экономической премудрости* войти в совершенно новое общество и в новую историческую эпоху, НЕ МЕНЯЯ имеющейся МОДЕЛИ ЛОГИКИ истории (= не подвергая критике логику экономического мышления как исторически недостаточную логику).

То, что у нас ДОЛЖНО произойти, как выражение ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ наших дней, следует определить, прежде всего, **как социально-интеллектуальную революцию**, т.е. – как революцию в умах, в сознании всего общества, которому следует сменить доминанту в его интересах – перейти от доминанты *вещных отношений* (или отношений собственности) к доминанте личностных отношений (или – отношений творческой деятельности). Корень проблемы состоит в том, что при доминанте *вещных отношений* (а они представляют собой синоним **экономических отношений**) невозможно осуществить ПОЛНУЮ реализацию творческого потенциала личности, ибо экономическое целеполагание является заведомо *ограниченным* и заведомо ограничивающим, утилитарно-меркантильным и, тем самым, НЕ включающим в себя собственно гуманистического (творчески-деятельного) развития индивида в качестве *самоцели*. А так как **наступающая эпоха** не может удовлетвориться осуществлением реализации сугубо потребительских запросов населения, но должна *ещё* решать **экологические проблемы** (а это – целый узел проблем, завязывающих в единое целое технологические задачи, социально-педагогические задачи, нравственно-этические задачи семьи и личности, мировоззренческое развитие, ориентирующее на достижение новых ценностных критериев практики...), **решать ещё проблемы ноосферного характера и содержания** (т.е. учить людей практически отвечать за биосферу и социосферу будущего...), – ТО чисто утилитарная подготовка будущего субъекта труда НЕ как субъекта социально-культурной практики, ориентированной на БУДУЩЕЕ, а как субъекта труда, ориентированного на удовлетворение традиционных «потребностей», – окажется просто нищенски-недостаточной подготовкой и разойдётся с объективными потребностями наступающей эпохи – до разрыва с ней...

Вот почему логика экономического мышления есть в сущности «*нищета философии*»...

В таких обстоятельствах то содержание, которое должно быть вложено в реформу, в концепцию реформы, можно определить как новую культуру, то есть – как ВОЗДЕЛЫВАНИЕ совершенно новой системы общественных отношений.

«Культура гуманизации общественных отношений и проблема полной реализации творческого потенциала личности» – вот как можно было бы сформулировать содержание тех реформ (понимаемых в контексте эпохи), которые ныне необходимы нашей стране.

Это значит, что поскольку существующие ныне социально-трудовые отношения **негуманны**, ибо в их системе «вещь», отношения собственности на «вещи», на товары, на деньги – стоят на первом месте (= доминируют), а человек, талант, творческий потенциал личности и его реализация – являются «зависимыми переменными», не имеют первенства, не доминируют во взаимоотношениях живого и овеществлённого труда, – то СМЫСЛ реформ должен состоять в том, чтобы гуманизировать эти отношения – создать условия для неограниченного развития творческого потенциала личности и его реализации – вне зависимости от товара как доминирующей сущности и диктующей СВОЮ логику бытия.

Это отнюдь не значит, что существующую ныне систему общественных (= социально-трудовых) отношений надо просто *перевернуть* с ног на голову. Такой «переворот» ничего не даст, ибо это уже было в условиях «планового» тоталитарного социализма, где планы имели директивный характер, а человек выступал в качестве ОБЪЕКТА государственной *заботы*.

Проблема действительных реформ заключается в том, чтобы осуществить действительную культурную эволюцию, то есть осуществить ВОЗДЕЛЫВАНИЕ новой культуры труда: труд,

производящий товары, и имеющий двойственный характер в качестве товаропроизводящей деятельности и не имеющий в своём целеполагании никаких иных социальных задач социально-гуманитарного содержания (направленных на РАЗВИТИЕ самого человека), необходимо **ДОПОЛНИТЬ деятельностью** по развитию творческого потенциала личности, деятельностью, не ограниченной заранее заданным масштабом стоимостных отношений (как это характерно для экономики с её бюджетными рамками), а – развиваемой за рамками экономического времени и – экономических отношений. Ясно, что **такая социокультурная эволюция**, разворачиваемая за рамками экономических отношений и экономического времени (под которым мы подразумеваем рабочее время), – **может быть стимулируемой только сознанием всеобщей опасности**, угрожающей человеческому роду, и невозможна без громадной воспитательной работы, систематически проводимой в отношении всего народонаселения – всей сферой *средств развития* (школы, вузы, библиотеки, литература, средства массовой информации, телевидение, радиовещание, театры, кино); а это, в сущности, означает социально-интеллектуальную революцию, имеющую целью сформировать у народа более высокую систему ценностных ориентаций.

Странность (= недостаточность и бесперспективность) мыслительной функции наших уважаемых экономистов состоит в том, что они приняли для себя в качестве принципа – *достаточность утилитарного* целеполагания, вдохновляемого меркантильными стимулами: БУДТО организуя и отлаживая *экономическую систему* как направленную на обеспечение пользы живущих человеческих индивидов – на удовлетворение их многообразных *стихийно* растущих потребностей, – они действуют в согласии с неким объективным законом природы.

Действуя таким образом (как бы под знаменем ПОЛЬЗЫ), они упустили из поля своего интеллектуального «зрения» ИСТИНУ – необходимость оценки своих действий с точки зрения их *истинности*.

Отсюда и произошло, что сама эта *польза* обрела в их сознании роль постулата и критерия, который (будто) позволяет им не догадываться и не задумываться об ИСТИНЕ: об *истинности* их способа мышления и об *истинности* их образа действия.

На самом же деле работа экономистов во имя ПОЛЬЗЫ не опирается ни на какой закон природы.

Нет такого закона ни в природе, ни в обществе. И очевидно, что, прежде чем заниматься экономической деятельностью, надо решить, в чём заключается *смысл* общественно-исторического процесса в нашу эпоху, или – в чём истина современного бытия.

Мышление, которое ориентируется НЕ на постижение истины (не на истинный способ мышления и, следовательно, не на истинный образ действия) *рискует оказаться ложным*.

Экспозиция. Поскольку невозможно раньше самого мышления изобразить, **как должно мыслить** о реформах, то целесообразно предпослать этому в самых общих чертах и самым приблизительным образом – экспозицию тех идей, которые будут развиты далее.

а) Несомненно, важнейший вопрос – это вопрос о смысле, о содержании реформ, о которых так много говорят и пишут, НЕ ОТДАВАЯ СЕБЕ ОТЧЁТА, а **что же это в сущности ТАКОЕ**, ПОСКОЛЬКУ никто не преодолел в себе синдром экономического мышления и продолжает толочь в экономической ступе экономическую воду, тогда как ЭПОХА давно уже *объективно* требует чего-то совершенно нового, метаэкономического (т.е. – послеэкономического). С точки зрения будущего экономика – лишь аспект сложнейшего реального социального бытия.

Таким образом, чтобы *действительно* мыслить о реформах, необходимо подняться в своей интеллектуально-исследовательской деятельности к сопоставлению экономического *мышления* и следующего за ним метаэкономического мышления, так как последнее представляет собою и отражает в себе новую историческую эпоху человечества, на «фоне» которой экономическое начало становится «понятным», ибо становится *сравнимым*; а всё, как известно, познаётся в сравнении.

Это же можно изложить иначе: для оценки мышления, которым пользуются экономисты (а сегодня по инерции в русле логики мышления экономистов оперируют и политики, и юристы, и журналисты, и историки, и кто только не пленён их специфической логикой), необходима МЕРА (критерий истинности этого мышления и критерий его адекватности эпохе). Но такой меры у наших уважаемых экономистов и у всех, кто с ними, к сожалению, нет. Они просто не догадываются, что такая *мера* необходима, потому что не рефлексируют по поводу своего собственного мышления – не делают его предметом своего аналитического и критического

исследования. Этим они обнаруживают, что относятся в сущности к категории людей, «довольных малым», как говорили когда-то русские поэты-символисты: пределом их социального целеполагания является «сытость» – обеспечение «достатка» «на полках магазинов» На этом их «миссия» и заканчивается.

Но *сегодня* наше общество взволновано ещё и тем, что экономика *в принципе* (при той типологии труда, на которую она опирается) не в состоянии удовлетворить всю массу потребностей, возникающих в нашем обществе. Так, например, нет средств, чтобы демонтировать атомные подводные лодки, отработавшие свой срок, и возникает угроза загрязнения окружающей среды, идущая от атомных реакторов, установленных на этих лодках. Или ещё: «Больных в Обнинске больше не лечат»: закрылся Обнинский медицинский радиологический центр в связи с пятикратным сокращением финансирования (см. «Известия» № 146 от 5 августа 1993 г., с. 2). Есть множество статей расходов, которые «не по плечу» экономике как таковой.

Поэтому экономические реформы не могут разрешить эти проблемы. Решать экономические проблемы экономическим методом – значит впасть в тавтологию.

б) Та управленческая деятельность, которую осуществляют сегодня правительственные, парламентские и судебные структуры, есть в сущности *инерционная* деятельность (плюс рутина, перенесённая со старым чиновничьим аппаратом в сегодняшнее общество), и ничего реформаторского, то есть – соответствующего наступающей эпохе, не содержит.

в) Третий пункт – это вопрос о кадрах реформаторов. Никто не доказал, что Егор Гайдар, начавший «реформы» «шоковой терапией», знает и понимает *какими* должны быть *реформы* в постпсевдосоциалистическом обществе на рубеже XXI века, когда надо менять не только экономические модели товаропроизводства, но и само общество: социально-педагогические программы, и технологическую политику и иметь чёткие прогнозы научно-фундаментальных исследований и соответствующие программы и одновременно осуществлять социально-интеллектуальную (нравственную и ценностную) революцию в умах миллионов людей, так как **без этого ничего не получится у горстки людей, непонятно почему считающих себя реформаторами**, но не оказывающих влияния на практику сегодняшнего дня и не вовлекающих массы людей в реформы.

У нас нет кадров реформаторов, которые были бы специально обучены для проведения реформ, адекватных наступающей эпохе. А их, этих кадров, должно быть много, ибо действительные реформы не могут осуществить случайно подвизавшиеся дилетанты, которые-то и мыслить адекватно – реформаторски не умеют. У нас нет теории реформ. И институтов, обучающих этому, тоже нет.

Те кадры, которые сегодня оказались на высших постах в государстве, отнюдь не были подготовлены к проведению *действительных* реформ и не способны перестроиться на *действительные* реформы, поскольку несут в своём интеллекте синдром экономического мышления и заиклены на нём.

«Синдром экономического мышления» – это **совокупность признаков болезни социального мышления**, идущего от общества, в котором вещь, товар, стоимость господствует над человеком, над его деятельностью и творчеством, над его личной и личностной ценностью, которые не имеют менового стоимостного эквивалента и должны стимулироваться совсем другой системой общественных отношений, чем экономические. Синдром этот возник исторически.

В противовес логике экономического мышления, которая имеет товарно-фетишистский характер и идёт от старого, традиционного общества, надо разрабатывать логику гуманистического мышления, ясно осознавая, что объём и содержание понятий логики экономического мышления – мизерен по сравнению с объёмом и содержанием понятий логики реформ.

г) Экономисты, волею судеб и по недоразумению оказавшиеся во главе управления («по недоразумению», ибо теории реформ нет), – действуют как экономически ограниченные ЛЮДИ, вследствие чего в управленческих решениях акцентируются не гуманистические, а товарные и финансовые отношения и феномены, а такие важнейшие явления как социально-педагогические программы, призванные обеспечить становление новых человеческих качеств, как программы научно-поисковых фундаментальных исследований, как программа перспективной технологической политики, которые непосредственно связаны с человеком и его культурно-интеллектуальным развитием – отодвинуты в тень, на второй, пятый – десятый план. Товар – торжествует, талант – никнет. Или утекает за рубеж!

Что же это за «реформы», управляемые нашими уважаемыми экономистами, если они не

опираются на серьёзные прогнозные технологические разработки, на прогнозы научно-фундаментальных исследований и на социально-педагогические программы?!

Если всё сводить только к сугубо экономическим мерам и действиям, то этим обозначится товарно-фетишистская инерция: за этим стоит вера, что отношения людей вполне могут быть заменены отношениями товаров. А за этим, в свою очередь, видны ослиные уши синдрома экономического мышления. Трудно поверить, что экономисты-реформаторы могли обойтись без программы перспективной технологической политики, имеющей для реформирования общества приоритетное значение. Ведь известно, что технология является показателем активного отношения человека к природе и показателем характера этого отношения, и, следовательно, его экологического или антиэкологического отношения к ней. Она же определяет непосредственный процесс производства и развития социальной жизни человека. Она же определяет и характер его интеллектуальных функций...

И если мимо всего этого пройти, думая о реформах, то такое пренебрежение возможно только как следствие фетишизации экономики экономистами, возмнившими, что «экономический механизм» «сам собою всё сделает, как надо». Это пренебрежение надо рассматривать как следствие их уверенности в том, что основное экономическое противоречие (товар – деньги), – когда и рабочая сила выступает как товар, – обладает провиденциальной, идеальной, универсальной созидательной силой, делающей **НЕНУЖНОЙ** всяческую человеческую активность в таких «ничтожных», **с их точки зрения**, областях, как социально-технологическая политика, как разработка социально-педагогических программ, нацеливающих общество на формирование принципиально нового **СУБЪЕКТА ТРУДА**, как обоснование программ фундаментальных научных исследований не только в области естествознания, нацеливающих общество на определённую перспективу, но и в области гуманитарных наук, где тоже назрели фундаментальные проблемы и решения, как осуществление социально-интеллектуальной революции...

Вера во «всемогущество» экономического интереса очень сильно напоминает идею Адама Смита о «невидимой руке», которая будто бы автоматически ведёт предпринимателя к благополучию и успеху помимо его воли. Такой «химизм» реформ сегодня не сработает.

д) Об аномальности социального бытия, основанного на логике экономического мышления

Поскольку человек противостоит миру вещей, то его отношение с этим миром может строиться двояко: либо так, что вещи и вещные отношения имеют доминирующее значение, и тогда социальное поведение (весь образ жизни) находит своё концентрированное выражение в *логике экономического мышления*, а само это социальное бытие можно определить как *логику самодвижения собственности*: известно ведь, что экономические отношения – это отношения собственности.

Либо же (второй случай) социальное поведение (тип социального бытия) может найти своё концентрированное выражение в *логике гуманистического мышления*, а само социальное бытие этого (второго) типа можно определить как *логику саморазвития деятельности*, так как в этом случае доминирующее значение имеет не «вещь», не вещные интересы, а интересы развития личности, интересы развития талантов и способностей, интересы развития творческого потенциала общества, достигаемые через посредство развития деятельности.

Сопоставляя эти два варианта логики социального бытия как два варианта логики социального поведения, надо отметить, что центральной категорией экономического мышления была и остаётся *стоимость* (меновая стоимость); на ней, собственно, и стоит логика экономического мышления, а центральной категорией логики гуманистического мышления является **ЦЕННОСТЬ** (духовная, культурная, научная, нравственная, эстетическая, художественная, индивидуально-личностная как носительница творческого потенциала), не имеющая менового стоимостного эквивалента, т.е. – в принципе *бесстоимостная*.

Ценности можно разделить на гуманистические и естественные, т.е. природные. Но само понятие *ценности* есть производное от культуры, от гуманистического, т.е. человеческого развития и поэтому предполагает **гуманистическое самосознание ценности**. Так, например, жизнь человеческая **с точки зрения социальной культуры** есть **ЦЕННОСТЬ**, но – только в системе человеческих **ПОНЯТИЙ**, выдвигающих культуру на первый план, т. е. – в системе культуры. И потому человеческая жизнь, как и личность, как и природа, не имеет стоимости, как не имеет её в системе культуры и пища, например, как и атмосферный кислород, как и родниковая вода, ибо всё это – составляющие **социальной жизни как развития культуры**, как ценности...

когда есть культурный идеал и интеллектуальная деятельность, выражающаяся как способность понимать и творить по меркам человеческих ценностей, т.е. – *по-человечески*.

Что же касается экономического процесса, то эта способность созидать осуществляется по другим меркам – по меркам меновой стоимости. В сфере экономических отношений мы имеем общество и производство, **основанное на меновой стоимости**.

В сфере экономических отношений и в проекции экономического мышления человек оценивается как эквивалент определённой меновой стоимости, как товар (= рабочая сила) и предназначен для производственного (утилитарно-меркантильного) функционирования.

В сфере ценностных, или гуманистических отношений человек предназначен не для утилитарно-меркантильного функционирования (а экономисты иного и помыслить не могут), а для развития и реализации своих неординарных ценностей. Поэтому в сфере ценностных отношений человек погружён в *систему отношений развития и реализации* его неординарного личностного «Я». И это предшествует его утилизации.

А это значит, что при доминировании экономического подхода ценностные критерии не имеют решающего значения и по существу игнорируются. Поэтому развитие человеческих сущностных сил отодвигается на второй план; оно имеет значение только с точки зрения их надобности для производства товара как источника меновой стоимости, как момент товаросозидания.

Но так как всё на свете устаревает, то сегодня настал-таки час, и это *старение* постигло логику экономического мышления, которая сугубо утилитарно-меркантильна, и из-за того, что она НЕ нацелена на развитие высших человеческих качеств, формирование которых должно стать в XXI веке определяющей и ведущей стороной ВСЕГО процесса производства и развития социальной жизни, – переживает сегодня эпохиальный крах. Без осуществления гуманистических задач, заключающихся в приоритетном развитии высоких человеческих качеств (прежде всего – человеческих талантов, способностей, творческого потенциала) – сам способ производства социальной жизни не в силах будет справиться с новыми проблемами наступающей новой эпохи. Поэтому экономика уже сегодня буксует.

Тот факт, что экономические отношения антигуманны и бесчеловечны в указанном смысле, известен давно. Если взять новое время, то ещё в 1840 году П.Ж. Прудон в книге «Что такое собственность?» (а собственность в паре со стоимостью – фундаментальнейшая связка фундаментальнейших экономических категорий!) – отнёсся чрезвычайно серьёзно «к *человеческой видимости* экономических отношений и резко противопоставил ей, – по словам К. Маркса, – их *бесчеловечную действительность*» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 35-36). Тем не менее, человечество мирилось с «человеческой видимостью» экономических отношений вплоть до наших дней, когда обнаружилось, что они не в состоянии помочь разрешить современные социальные, экологические, культурные, медицинские, межэтнические и другие проблемы человечества (прежде всего – проблемы военных конфликтов между этносами и государствами!) – как раз из-за того, что они имеют вещный, корыстный, стяжательский характер, вследствие чего у человечества не образуется такого массива творческого потенциала, который давал бы ему ресурсы и способности для решения всех этих проблем. Ибо источники творческих ресурсов должны быть всечеловеческими, а творчество – базисом единства человечества.

В 1950 году Норберт Винер издал в Бостоне книгу «Человеческое использование человеческих существ»¹ и самым названием своей работы подчеркнул, что существующая форма использования человеческих индивидов (а это – экономическая форма!) является бесчеловечной!

С этого момента по крайней мере в принципе начинается эпоха новой логики – логики гуманистического мышления, которая вводит в общественное сознание идею о том, что в дальнейшем терпеть бесчеловечное использование человеческих существ – становится невозможным и недопустимым.

Необходимость перехода на новую логику социального мышления – стимулируется практическими обстоятельствами реального социального жизненного процесса: экономика как форма отношений, в системе которых господствует «вещь» (или – прошлый, накопленный труд = собственность, несущая стоимостный номинал) не справляется с новыми требованиями, выдвигаемыми новой ЭПОХОЙ, которая объективно требует *снять ограничение* производства потребительных стоимостей (и производства способностей) – *меновой стоимостью*, которая

¹ Wiener N. *The Human Use of Human Beings. Cybernetics and Society*. Houghton Mifflin Co., Boston, 1950.

остаётся мерилом производства и созидательной активности.

В этом, собственно, и состоит синдром – болезненная недостаточность и неадекватность эпохе – **логики экономического мышления**: она не справляется с современными социальными задачами **и не может с ними справиться**, ибо потребительная стоимость человека и меновая стоимость товара в принципе **НЕСОИЗМЕРИМЫ**.

В то же время общество не обладает пониманием того, что экономика сама по себе как феномен – исчерпала себя.

Эпоха делает «скачок», неизбежен переход на новый тип общественного бытия. Так следует ли нам доверяться экономически ограниченному мышлению?

«Лирическое» отступление о том, как люди мыслят

В нашей публицистике и в политологии очень много пишут об экономике и о политике. Но нет статей о мышлении. Эпоху, закончившуюся в августе 1991 г., называют коммунистической. Но у нас не было попыток определить её с точки зрения логики её социального мышления. Эпоха будто и кончилась, а общество, с точки зрения логики мышления, мыслит так же, как и прежде. И с полной определённости нельзя утверждать, что эпоха кончилась. Известно, что наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления. Но если эпоха кончилась, то люди **ДОЛЖНЫ** и в логике мысли проявить себя иначе.

Но вообще надо сказать, что люди мало интересуются тем, как они мыслят. И у нас. И в мире вообще.

Фактически дело обстоит таким образом, что не только рядовые граждане, но и люди с высшим образованием и люди, имеющие научные степени и звания, не очень-то вникают в вопрос об эффективности как своего мышления вообще, так и в вопрос об адекватности экономического мышления. Большинство людей имеет некоторое представление об экономическом начале, но складывается оно у них, так сказать «де факто». Но чтобы исследовать экономический феномен – специально проводить аналитическую работу проникновения в *сущность*, то такой заботы никто себе не создаёт. Ситуация здесь подобна той, когда каждый по опыту знает вкус пищи, но не утруждает себя знанием химических структурных формул витаминов, белков, углеводов и жиров. Даже экономисты не мыслят себе своё мышление об экономике аналитически и критически. Люди обычно довольствуются тем, что *экономическое* как явление им известно. Но, как заметил Гегель: «Известное вообще – от того, что оно *известно*, ещё *не познано*. Обыкновеннейший самообман и обман других – предполагать при познании нечто известным и довольствоваться этим».²

Вот что не может не удивлять. В 1919 г. при утверждении партийной программы Ленин говорил: «Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически». Вслед за Лениным все генеральные секретари и другие советские вожди мыслили шаблонно-экономически. А когда в 1991 году так настырно-экономически-обосновывавшийся коммунизм рухнул, то пришли новые реформаторы, которые теперь опять-таки *экономически*, обосновывают капитализм (как они полагают). И опять: товар – деньги – товар...

Характерно, что с точки зрения специфики мышления – всё «отличие» сегодняшних экономистов-«реформаторов» от коммунистов-«революционеров» заключается в том, что и те и другие – «надстроечники»: что коммунисты уповали на политически (декретом) установленную общественную (государственную) собственность, а сегодняшние экономисты-«реформаторы» уповают на юридически декларированную частную собственность – при незыблемости фундаментальной основы той и другой – старой системы разделения труда. 70 с лишним лет коммунисты играли в политико-юридические процедуры, *ничего не меняя по существу* (т.е. фундаментально), теперь нынешние «реформаторы» играют в политико-юридические процедуры, не понимая, что же в **СУЩНОСТИ** надо делать в нашу эпоху, чтобы это было – фундаментально и эпохиально.

Сначала одни уповали на *собственность*. Теперь другие уповают на *собственность*. И вся премудрость! Будто в этом – «последний вывод мудрости земной!» Никто не понимает, что отношения *собственности*, – на которых свихнулись большевики в 1917 г. из-за непонимания всей глубины этой проблемы у Маркса (а у Маркса собственность выводилась из системы разделения труда, а не из злого умысла капиталистов и помещиков), – не могут быть изменены ни юридически, ни политически, ибо это *типологически – производственные отношения*,

² См. Гегель. Соч. М., 1959, т. IV, с. 16.

вырастающие из ТИПА технологии и культуры, уходящие корнями в способ ОБМЕНА ВЕЩЕСТВ между человеком и природой и в СПОСОБ ценностных отношений между ЛЮДЬМИ, когда либо признаётся ЦЕННОСТЬ личности, либо когда она НЕ признаётся, как это происходит при господстве экономических отношений. Сохраняя экономические отношения, нельзя было ОТРИНУТЬ частную собственность ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Брежневе, ибо вся номенклатура оставалась тайными частными собственниками, так как это в природе вещей *экономической причинности*: здесь надо было идти глубже – преобразуя ПРИЧИНУ ПРИЧИНЫ. Но у большевиков для этого не хватало интеллекта: образованности и творческого потенциала (кроме того, что не было исторических – фактических – предпосылок).

Для сегодняшних реформаторов, начиная с Е. Гайдара, исторические предпосылки (мировое состояние технологии и науки) уже «проклюнулись». Но у них нет понимания, что сохраняя экономические отношения, т.е. – экономическую причинность, невозможно эту причинность превзойти, как невозможно самого себя поднять за волосы. Здесь тоже надо идти глубже: преобразуя ПРИЧИНУ ПРИЧИНЫ всей социальной динамики.

Но сегодняшние реформаторы, как и в своё время коммунисты, занялись политико-юридическими процедурами. При этом ни те, ни другие не оказались способными догадаться: 1) что «закавыка» не в собственности, а в исторически устаревшем типе совокупной социальной деятельности (в типе «труда»); и 2) **что особенно важно**, пока сохраняется старое разделение труда (а оно-то и есть «причина причины!»), переход к новому социальному состоянию, т.е. – реформизм – немыслим и невозможен, ибо основой всех существовавших до сих пор способов производства было разделение труда, которое остаётся и сегодня неизменным, ибо технологический фундамент социума сохраняется **принципиально** таким же, как и ранее (даже как в XVIII и в XIX веках) и *целенаправленно* новаторски НЕ преобразуется, несмотря на все возгласы об НТР и НТП.

А труд, – и это надо заметить, – организуется и разделяется и интегрируется различно, в зависимости от того какой исторически-специфической базой он располагает.

Так что пока типология труда остаётся не продвинутой в будущее, пока в характере социального целеполагания не произошло радикальных перемен – сдвига от утилитаризма к гуманизму, – пока в содержании доминирующих ценностных ориентаций не взят курс на творческую личность, – модификации форм собственности ничего не дадут в смысле коренного обновления и интенсификации, ибо, повторяю, «закавыка» не в собственности. Собственность – это примитив (по современным меркам): она ориентирует на стяжание. Эпохе же необходим новаторский, творческий, гуманистический прорыв во всём.

Но когда мыслят экономически (и страшно этим гордятся), **то создаётся интеллектуальная ситуация замыкания на примитиве и экстенсиве** («интеллектуальный коллапс»), при которой ум как бы уткнулся в «психологический барьер»: на собственности будто «свет клином сошёлся», и выхода из ситуации никто не видит, будто его и нет. Поэтому и говорят друг другу (в экономическом ослеплении), что «альтернативы рынку нет»: «либо рынок, либо лагерь». На самом же деле чего нет, так это действительной осознанности *современности, эпохи*. Этой осознанности *пока* нет. На грани XXI века все рассуждают так, будто единственная задача человечества – это паразитировать на планете, питаться от ресурсов и источников Земли, превращать вещество Земли в собственность, в товары.

Паразитизм людей по отношению к биосфере, к геосфере, к гидросфере, к атмосфере сформирован и воспитан *экономически* и стал одновременно эмоцией, идеологией, политикой и образом жизни. И это сопровождается удивительной беспечностью относительно будущего человеческого рода. Интеллектуальная лень, всеобщая и гибельная, соседствуя с неспособностью критически и творчески мыслить о социуме и о своём мышлении, – подготавливают катастрофу, причиной которой является «задубевший» экономический тип (стереотип) поведения и мышления. Никто не знает, что необходим переход к гуманистическому мышлению и что оно включает в себя идею ноосферного отношения к действительности и что само собой это не произойдёт...

7-9 июля 1993 года в Токио прошло совещание глав семи наиболее развитых стран, и обсуждались на нём экономические трудности этих наиболее развитых в рыночном отношении стран, т.е. тех, которые наиболее интенсивно превращают Природу в собственность, воспроизводя при этом систему старого разделения труда.

Обнаружилось, что только в Западной Европе – 23 миллиона безработных, и нет никаких перспектив, чтобы их число уменьшилось. В дополнение к этому, по данным ООН, в мире сегодня 100 млн. мигрантов, чего ранее в таком количестве не было, и тенденция эта будет расти.

Летом 1992 года в Рио-де-Жанейро прошла конференция ООН по экологии. Учёные говорили и предупреждали о наступающей экологической катастрофе, а политики (и прежде всего президент США Дж. Буш) говорили о том, что есть дела поважнее и что нет денег на глобальные экопрограммы. Иными словами, экологические проблемы оказались экономически неразрешимыми. Но при этом – все мыслят экономически! И хотя разрушение озонового экрана планеты грозит человечеству гибелью, и хотя 15% мировой суши уже окончательно деградировало в результате экономической деятельности человека, и хотя ежегодно **из экономических соображений** в мире вырубают 16,8 млн. гектаров лесов, и это грозит кислородным голоданием и т.д. и т.п., – мы всё ещё мыслим экономически, и наше социальное целеполагание остаётся утилитарно-меркантильным, и технологии пронизаны такими же мотивами и целями, и никто не поднял вопрос о нетерпимости такого мышления. К чему же мы придём в России и в мире под руководством экономистов, если даже страны «семёрки» находятся в экономическом тупике?! Что же – «и нам за ними в путь счастливый»?! Разве, идя за ними «след в след» (на что потребуется 200 лет) мы обретём счастливую перспективу, когда уже сейчас ясно, что перспектива будет другая – «не идущая по следу»?!

Экономическое мышление и необходимость рефлексии

Экономисты, несомненно, мыслят экономически. И это для них естественно, так как они НЕ анализируют своё собственное мышление с позиции политэкономической стадии цивилизации и культуры труда, **которая неизбежно должна наступить (и должна быть введена!), чтобы человечество избежало экологической катастрофы**, подготовленной уже экономической стадией истории и соответствующими ей технологиями.

Экономисты о своём собственном сознании исследовательски не рефлексиируют. Все их интеллектуальные усилия имеют в качестве предмета (предмета заботы) экономику. Но для них их собственное мышление не существует в качестве *предмета* (в качестве сферы критической и творческой переоценки самой их способности адекватного мышления) – в переплетении с их мышлением об экономике. Так образуется *разрыв*: мышление об экономике не коррелируется с *развитием мышления* об экономике и с развитием мышления о мире. Как будто экономика существует в некоем застывшем, окостеневшем мире! Но это – ведь алогично! Мир ныне резко меняется!

Принято считать, что для того чтобы мыслить логически – правильно, совсем не обязательно изучать логику профессионально. Все, де, и так мыслят логически безупречно. Экономисты, например, не задумываются над тем, пользуются ли они аподиктическими, ассерторическими или проблематическими суждениями. И вообще логика их не волнует, да и история – тоже.

Но сегодня перед обществом и перед человечеством стоят не только экономические, но и исторические задачи, которые включают в себя задачи технологические и экологические. И поэтому, рассуждая о реформах, надо иметь в сознании не только экономическую догматику, но **и рефлексировать по поводу самого мышления**, по поводу его типологии.

В том-то и заключается вся беда, что экономисты не рефлексиируют по поводу своего мышления.

«Рефлексирующее существо в силу самого сосредоточения на самом себе, – как отмечает Тейяр-де-Шарден, – внезапно становится способным развиваться в новой сфере».³ А существо нерелексирующее, следовательно, неспособно развиваться в новой сфере, неспособно видеть мир в новых «измерениях».

Попробуем «копнуть тему поглубже». Если исходить из того, что рефлексия – это мышление, имеющее предметом само себя, или, что это принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок: или что это предметное рассмотрение самого знания, критический анализ его содержания и методов познания, – *ТО рефлексия* применительно к экономическому мышлению означает и выявляет сегодня недостаточность попыток исходить из «частной собственности», как это стремятся делать наши экономисты-реформаторы, и необходимость признать то фундаментальное начало, которое порождает частную собственность. Тогда можно будет сказать, что для рефлексирующего мышления «разделение труда и частная собственность – это тождественные выражения: в одном случае по отношению к деятельности говорится то же самое, что в другом – по отношению к

³ Пьер Тейяр-де-Шарден. Феномен человека. М.: Прогресс, 1987, с. 136.

продукту деятельности».

Точно так же – для рефлексивного мышления разделение труда и узкий профиль человеческого развития – это тождественные выражения: в одном случае по отношению к деятельности говорится то же самое, что в другом – по отношению к характеру развития рабочей силы. И, наконец, в-третьих: известно, что для рефлексивного мышления разделение труда и соответствующие ему технологии – это тождественные выражения: в одном случае по отношению к деятельности говорится то же самое, что в другом – по отношению к технологиям, способным лишь *частично* трансформировать предмет труда. Классы и нации – также порождение разделения труда.

Теперь можно сделать некоторые выводы.

1. Если разделение труда и частная собственность – это тождественные выражения, то как нам следует оценить усилия коммунистов-революционеров по «уничтожению» частной собственности, которое они осуществляли, – при сохранении разделения труда, тождественного частной собственности?! Очевидно, что это была глупость.

И наоборот: если современные экономисты-реформаторы, находясь на грани экологической катастрофы, уповают на частную собственность, то (**так как она тождественна разделению труда**) при этом НЕИЗБЕЖНО будет сохраняться узкая профессиональная специализация рабочей силы и узкий образовательный потенциал человеческого индивида и, следовательно, будет *затруднено* формирование в **массовом масштабе** творческого потенциала личности, необходимого как для решения экологических проблем, так и для решения проблем гуманистических и проблем роста благосостояния, ибо **количественно** безработица будет расти, а человеческие качества, – при сохранении старого разделения труда, – *интенсивно* развиваться НЕ будут. Следовательно, и упование на частную собственность умным не назовешь.

«Закавыка», повторяю, не в характере собственности, а – в типологии деятельности. А что это значит, выше уже было, хоть и «пунктиром», но намечено. А если суть проблемы реформации нашего социума – не в собственности, то *экономическое* мышление нам не поможет, так как экономические отношения – это отношения отчуждения и стяжания, и реформировать с их помощью тип деятельности, тип труда экономисты не могут: не в силах. Эту функцию могут выполнить лишь ОТНОШЕНИЯ РАЗВИТИЯ. Но о последних у нас никто не слышал, т.к. гуманитарные науки об этом молчат... Вопрос о преобразовании типологии труда даже не поднят, не обсуждается. Историческая изменчивость субстанциональности труда не включена в сферу актуальных идей...

2. Теперь о характере общего социального целеполагания. Для мышления экономистов этого вопроса как бы и не существует. Для них *само собой разумеется*, что извлечение прибыли является целью экономической деятельности и *посредством этого* – целью является ПОЛЬЗА народонаселения. А способом достижения этой цели является экономическое принуждение.

При этом об *истине* экономисты не думают. А сегодня просто нельзя (недопустимо) не думать об истинности социального действия, не думать об истинных ценностях, на которые надо ориентировать весь образ жизни. Было бы просто безумием ориентироваться на ПРИБЫЛЬ и ПОЛЬЗУ (т. е. мыслить традиционно и примитивно) перед лицом наступающей катастрофы, которая является **СЛЕДСТВИЕМ всего предшествующего экономического развития**: экономического целеполагания, экономической ограниченности человека, включая и специфические технологии, порождающие товарно-стоимостное разделение труда и товарно-фетишистские отношения людей, порождающие «бледный» духовный облик индивидов и малые «амплитуды» их способностей, хотя об этом никто не думает, будто это «безразличный» факт, будто об этом можно не думать, что-то там толкуя о «реформах» с позиции «экономической премудрости»!

Переживаемая нами «совокупность обстоятельств» неизмеримо сложнее того, что может быть выражено посредством экономической догматики, и когда через несколько лет не будет хватать кислорода и не будет хватать чистой воды (а не дышать и не пить мы не можем!), то уже сегодня надо менять социальное целеполагание, традиционно ориентирующее субъектов экономики на достижение ПОЛЬЗЫ в её утилитарно-меркантильном выражении.

Меняя общее социальное целеполагание в таких обстоятельствах, надо приоритетное (решающее и определяющее) значение придавать не товарам и их производству, а ПРОИЗВОДСТВУ совершенно нового типа – производству ТАЛАНТОВ и СПОСОБНОСТЕЙ, *ориентированных* на решение экологических и гуманистических проблем.

«Бледный» духовный облик индивидов, малая «амплитуда» их способностей (а всё это

упирается в имеющиеся неорганические технологии и в связанное с ними разделение труда!) становятся сегодня главной ПРИЧИНОЙ неразрешимости проблем, возникающих в обществе.

Если экономическое мышление традиционно сосредоточено на вопросе о снижении **меновой стоимости** товара (в том числе и – товара рабочей силы), то гуманистическое мышление, ориентированное на новое социальное целеполагание, должно быть сосредоточено на вопросе о возрастании и о РАЗВИТИИ ЦЕННОСТЕЙ и прежде всего – *ценности человеческой личности*, и главной ценностью становится творческий потенциал человека. Если осмыслить это категориально (теоретически), то *приоритетное* и сколь возможно *массовое* развитие творческого потенциала личности – есть **ОСНОВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА** нашего общества в наше время. В этом, собственно, и заключается *сущность* реформ. И поскольку ценность личности (и вообще ценности) обладают значимостью не сами по себе, а (как в наши дни) – в зависимости от исторической эпохи (от сложившихся обстоятельств, от их влияния на сферу общественной жизни), то в наши дни, на грани XXI века, значимость ЦЕННОСТИ (творческого потенциала человека, экологической гармонии биосферы, ценность чистой воды, воздуха и т.д.) набирает силу в *противопоставлении* категории СТОИМОСТИ: если в сфере экономических отношений господствует *стоимость*, то в сфере прокладывающих себе путь гуманистических отношений доминирует ЦЕННОСТЬ. Вот на этом и надо разрабатывать концепцию реформ.

Экологически уравновешенная среда – это ныне всё большая материальная ценность, как и человеческий творческий потенциал, который позволяет её восстановить и сохранить. И стоимостные оценки здесь не пригодны, т.к. ценность в принципе не имеет менового эквивалента.

Меновая стоимость, устанавливаемая в процессе обмена, как и сам обмен, есть порождение известного всем *разделения труда*. Разделение труда, в свою очередь, возникает из характера технологий, которые на начальных этапах общественной истории остаются **примитивными**, так как способны осуществлять *лишь частичные* трансформации предмета труда (механические, физические, химические, термические трансформации, как, например, при обжиге предметов из глины, или при плавке металлов).

Вследствие этого сам производитель является *частичным* производителем, и его вступление в общественную связь с другими людьми и со всем обществом (**которое выступает как относительно целостный производитель**) возможно только через обмен и меновую стоимость, предполагающую эквивалентность результатов действия различных *рабочих сил*. Так что экономические отношения как отношения меновых эквивалентов, не есть вечный закон социального общежития, а – следствие ПРИМИТИВНОГО характера технологий, которые делают человека *частичным* производителем, который в облике его рабочей силы выступает как стоимость, но не как ценность, – поскольку господствует ПОТОВАРНОЕ разделение труда. Но если освободить человеческое мышление от состояния «интеллектуального коллапса» (в котором находится прежде всего мышление экономистов) и сосредоточить внимание на понятии *целостных технологий* (или относительно целостных технологий), которые всё больше включаются в поток современной общественной истории, то можно будет существенно перестроить не только мышление, но и процесс реформирования общества. Так, например, современные **биотехнологии** вполне обоснованно можно оценить и определить с социально-философской точки зрения как *относительно-целостные*, потому что в сфере их действия используются не какие-либо односторонние знания и формы движения, а – комплекс знаний и форм движения материи (механических, физических, химических, светоимпульсных и т.д. и т.п.), так что человек, управляющий биотехнологическим процессом, неизбежно должен быть более универсально образованным. А в этом и проявляется тенденция приближения к большей целостности личности, так как большая естественнонаучная образованность коррелируется с большей социально-гуманистической развитостью и, тем самым, способствует преодолению старого разделения труда и его неблагоприятного влияния на человека.

То же самое можно сказать **и о социальных технологиях**, понимая под этим термином знания о социуме и их применение для развития эффективных социальных, социально-культурных процессов и тем самым – достижение при содействии специфических социально-технологических процедур – большей эффективности в организации жизни общества и его составляющих.

Технология – есть основанный на многообразном научном знании и на эмпирическом опыте (как было вначале) способ использования вещества, энергии, информации и самих человеческих существ и структур для получения благ (в вещественной, энергетической, в информационной модификации), а также ценностей, создаваемых творческим потенциалом личности, а также ценностей Природы, получаемых при содействии творческого потенциала

личности.

В конечном счёте, технология проявляется в **социальной способности** людей экономить время для развития человеческих сущностных сил, для развития культуры как гуманистически ориентированной деятельности.

И в этом плане нельзя не сказать об *интеллектуальных технологиях*, которые вместе с биотехнологиями и с социотехнологиями составляют целостность (= комплекс) высших технологий, принципиально отличающиеся от технологий неорганических (механических, физических, химических, термических) *тем*, что они несут в себе тенденцию к ассоциации труда, тенденцию, противоположную социальному содержанию, идущему от разделения труда. Разделение труда и объединение труда – это важнейшие категории современного мышления.

Социальное целеполагание наших дней (и в этом-то и состоит смысл предстоящих реформ) должно быть сосредоточено на диалектическом преодолении старого разделения труда и на содействии становлению ассоциации труда! Сделать это без преодоления имеющихся *представлений* о технологии невозможно. У нас же пока нет осмысления феномена технологии с позиции философии истории. **Господствуют эмпирические представления о технологии:** под технологией понимают нечто «железное», способствующее переработке вещества, сырья. Для экономистов, например, совсем не характерно рефлексировать по поводу своего понимания технологии, не говоря уже о том, чтобы наше население ставило перед собой задачу *осознания своего собственного сознания* в связи с вхождением страны в полосу реформ, чтобы достичь *концептуального понимания* того, что происходит, и того, что должно происходить.

Разговоры о реформах, когда ни у правительства, ни у народа нет концепции реформ, нет концепции наступающей исторической эпохи, нет концепции социального должностования и адекватного социального целеполагания – это всё равно, что ходить с завязанными глазами.

3. Теперь надо коснуться вопроса о фундаментальности мышления. Это – важнейшая проблема, ибо без фундаментального научного подхода ни в одной области не удаётся достичь впечатляющих результатов. Проблему фундаментальности можно было бы выразить следующей формулой: «Проблема фундаментальности мышления в теории реформации социума».

Проблема эта имеет ряд аспектов:

а) Из исторического опыта уже ясно, что, взявшись за построение БУДУЩЕГО общества на основе экономической фундаментальности, большевики, во главе с В.И. Лениным, И.В. Сталиным и их последователями, – потерпели крах;

б) Из проведённого выше (правда, довольно краткого) исследования уже должно быть ясно, что и современные экономисты-реформаторы, уповающие на *частную собственность*, так же близки к краху, так как игнорируют проблему разделения труда, тождественного частной собственности, во-первых, так как, во-вторых, игнорируют проблему создания той системы технологии, на которой может быть основано БУДУЩЕЕ гуманистическое общество, так как, в-третьих, игнорируют проблему рефлексии по вопросу о своём собственном мышлении. И поэтому, берясь за БУДУЩЕЕ, фактически мыслят его в критериях прошлого, что несомненно, непродуктивно;

в) Из опыта современной научной методологии уже известно, что фундаментальные исследования во всех важнейших научных областях предполагают создание МЕТАТЕОРИЙ. Наши же уважаемые экономисты, взявшиеся за осуществление экономических реформ, никаких метаэкономических теорий не выдвигают и никаких **метаэкономических отношений** использовать не собираются. Их мышление как бы избрало себе *модель «логического круга в доказательстве»* и на основе тавтологических построений ума вознамерилось проникнуть в сущность *будущего* общества;

г) И, наконец, последний аргумент. Наши уважаемые реформаторы, если они вознамерились осуществить фундаментальные преобразования общества, то и действовать, казалось бы, должны фундаментально. Не «косметическим ремонтом», в самом же деле, нам предстоит заняться.

Но ничего подобного фундаментальному подходу не происходило и не происходит.

С самого начала так называемой «перестройки» (1985 г.) само понимание ситуации в стране было не фундаментальным, а, так сказать, «надстроечным»: стали говорить, что «до того» у нас была «командно-административная система» и что теперь надо переходить к экономическим методам управления – к «экономическому принуждению», как выразился однажды А.Н. Яковлев!

Противопоставление командно-административного – экономическому управлению вносит в проблему изрядную путаницу, так как уводит её рассмотрение с базисного (фундаментального)

уровня – на уровень надстроечный (политический, волевой), где **будто бы** возможно решение проблем реформирования постпсевдосоциалистического общества.

Поскольку за «перестройку» взялись у нас юристы и политики (М.С. Горбачёв, как известно, сочетал в себе и ту и другую специализацию), то они и действовали присущим их профессионализму способом.

Им казалось, что «верхушечный» подход позволит осуществить фундаментальные, т.е. базисные преобразования нашего общества, вошедшего в «застой». Такой способ мышления можно определить как «политический фетишизм», или же как «юридический фетишизм». Нечто подобное характерно и для сегодняшнего Верховного Совета РФ. Здесь тоже наблюдается «кипение в действии пустом» при **фундаментальном непонимании того, что такое экономика в историческом смысле и ЧТО, собственно, надо перестраивать: экономику или ТРУД, чтобы достичь положительных результатов**, соответствующих наступающей эпохе, понимаемой опять-таки фундаментально – в критериях ЭТОЙ новой эпохи.

Экономика, понимаемая в фундаментальном смысле, есть господство накопленного труда над трудом живым, **господство собственности над деятельностью**, которое как господство возможно только в условиях когда производственные технологии опираются на использование законов неорганических (т.е. «мёртвых», отличных от человека) форм движения материи, на эффекты «мёртвых» форм материи, однако – определяющих жизненный процесс социума. Человек как живое существо, а тем более – как социальное существо, при ТАКИХ технологиях (и при определяемой ими системе разделения труда) неизбежно НЕ реализует *всех* своих возможностей и *всего* своего творческого потенциала, который даже не может быть развит при такой (неорганической и несоциальной) технологии. – Надо иметь в виду, что **переход** от биологической эволюции к эволюции социальной, – или – трудовой, – сделал главными факторами существования и развития факторы культурного характера, а именно – взаимодействие труда прошлого («кристаллизовавшегося» в вещах материальной культуры) и труда живого, **проявляющегося** как знание и мастерство, как способы организации усилий многих людей, как определённые интересы. **Вот в этом круге производных от труда факторов и находит свой источник социальная эволюция.** А так как в этом круге доминирует накопленный (овеществлённый, или мёртвый) труд, имеющий форму собственности и соответствующих ей интересов, то это и есть экономика, – и, тем самым, источник сегодняшних бед.

Но совсем иначе выглядела бы социальная эволюция, если, так сказать, «переменить акценты», то есть – если бы живой труд (деятельность) поставил в доминирующее положение над собственностью. В этом случае произойдёт не только «перемена мест слагаемых», но глубокое качественное изменение самой социальной цивилизации и культуры. Более того – произойдёт изменение МЕРЫ цивилизации, ибо произойдёт интеграция труда: труд, производящий *товары и стоимости*, отойдёт на второй план по сравнению с трудом, производящим таланты и ценности.

Приоритетной задачей социального целеполагания станет производство талантов и ценностей (способностей, творческого потенциала вообще), и производство товаров только выиграет от этого, так как в его распоряжение поступят такие ресурсы производительности, такой творческий потенциал, которые в рамках экономики и экономической детерминации социального процесса просто не могут возникнуть.

Изменится сам труд: если сегодня – это труд, *производящий товары и стоимости* (в том числе и товар рабочую силу), то возникшая вследствие перемены доминанты *новая субстанциональность труда* будет означать труд, производящий новый образ жизни, в системе которой на место обезличенной рабочей силы придёт одухотворённая **творческая личность**, на место старого разделения (товаропроизводящего) труда придёт ассоциация (= объединение, интеграция) труда, способная решать такие проблемы (экологические, например), решение которых было немыслимо и невозможно при старом (экономическом) разделении труда. Если это не произойдёт, катастрофа неизбежна.

Ведь уже ясно, что ЭКОНОМИКА как форма субстанциональной обусловленности социального процесса фактически исчерпала себя и – исторически – сходит со сцены, как главная сила, и только наиболее развитые страны, организуясь экономически, ещё «держатся на плаву» **за счёт того, что аккумулируют творческие достижения всего мира.** А в целом «общество высокого потребления товаров» не может быть определено как человеческое общество, ибо оно делает человека *придатком* товаропроизводства. А когда человек – всего лишь придаток товарного производства, которое выступает как субъект социального процесса и самодовлеет (т.е. само себя удовлетворяет), то живая природа заведомо **обречена как материал, как**

«неорганическое тело», предназначенное для исполнения целей, ничего общего не имеющих с законами природы, с законами эволюции видов, с экологическими законами, с законами гуманизма.

4. Проблема корректного социального мышления (включая методологию, целеполагание, фундаментальность, ценностные ориентации, а также – понимание *связи* характера технологической основы общества и разделения труда с частной собственностью и с характером духовного развития индивидов и – влияния всего этого на экологию, на природную среду) приобрела в наше время исключительно важное значение. Вообще общество сегодня не может без корректного социально-философского мышления хоть как-то обосновать свой завтрашний день. **Но адекватного мышления, к сожалению, у него сегодня нет.** А экономическое мышление, как уже было показано, ныне стало архаичной, атавистичной формой теоретической деятельности.

Возьмём в качестве примера для исследования феномена социального мышления, ТО, как в современном мире *решаются межнациональные противоречия, перерастающие в войны*, проблемы суверенизации национальных регионов... Примеров на эту тему масса: Югославия, Карабах, грузино-абхазский конфликт, грузино-осетинский конфликт и т.д.

В общем проблемы решаются по принципу «держат и не пушат». И «не пушат» – при помощи батальонов особого назначения. Это по вопросу «как»? Главное – это «держат». Это и позиция Грузии, и позиция Азербайджана в отношении НКР. А что будет потом – этого никто не знает и, видимо, не стремится узнать. Думают, наверное, что потом будет так же, как было до конфликта...

Что же касается ПРИЧИН межнациональных конфликтов и причин, ведущих к сепаратизму, то это известно, так сказать, на бытовом уровне, и в концептуальном плане такого вопроса никто себе не задаёт.

– Какова тенденция исторического бытия России – это тоже никто ни у кого не выяснял. – А ведь вопрос о *тенденции* исторического бытия России – это уже признак научного мышления по этому вопросу. Это – уже отход от такого состояния интеллекта, когда просто думают, что в России мы имеем дело просто с «данностью» состояния, просто с событиями, которые «сваливаются» на нас, неизвестно почему и неизвестно откуда...

Не может быть сомнения, что в основе межнациональных войн надо видеть причины экономические – вопрос о собственности. **Именно собственность разъединяет народы.**

Мир находится на грани экологической катастрофы, а азербайджанцы и грузины поглощены вопросом, что «наше», а что «не наше»: принадлежит ли земля Карабаха Азербайджану, а земля Абхазии – Грузии. Вот это «принадлежит» и затмевает разум! И происходит это в эпоху, когда вопрос «принадлежит – не принадлежит» фактически имеет второстепенное значение. Первостепенное значение в наши дни имеет вопрос о наличии адекватного творческого потенциала у народа и у личности – для решения экологических, гуманистических, технологических, социально-культурных и фундаментально-научных проблем.

А если говорить о суверенитете, то первостепенное значение имеет НЕ суверенитет территории (не суверенитет «вещи»), а суверенитет (т.е. верховенство) творческой личности. А это совсем другой суверенитет...

Но современные политики не обладают ведь адекватным и конструктивным мышлением, иначе их не сводил бы с ума вопрос о суверенитете Азербайджана над Карабахом и о суверенитете Украины над Севастополем (вопрос о том, кому *принадлежит* Севастополь). Эмоционально ощущать Севастополь своим для политиков из Верховных Советов Украины и России важнее рационального решения актуальных проблем современности.

«Рациональное решение актуальных проблем современности» – это, пожалуй, и есть тот тезис, который обозначает ТО специфическое мышление, которое *должно быть введено* сегодня в связи с недостаточностью и неадекватностью экономического мышления. При этом разумеется, что *рациональность* и *актуальность* этого мышления должны быть истолкованы не традиционно, а – адекватно условиям и обстоятельствам нашей критической эпохи, т.е. по-новому.

В нашу критическую эпоху, чтобы преодолеть военные конфликты между государствами и этносами и чтобы вообще исключить военную конфронтацию, необходимо избрать и принять новый принцип организации социального бытия: вместо ориентации на собственность – принять ориентацию на творческую деятельность, как на основу жизненных отношений и, следовательно, – на универсальное развитие личности. Если собственность разъединяет, то творчество соединяет и объединяет. Надо только донести этот факт и эту идею до общественного сознания и выработать ПРОГРАММУ гуманистически организованного БУДУЩЕГО, включающую создание

социальных «механизмов» и институтов для реализации этих (гуманистических) целей. Ведь сегодня уже ясно, что политики Организации Объединённых Наций, проводящие через Совет Безопасности решения о направлении «голубых касок» в «горячие точки» нашей планеты, – пребывают, по существу, в состоянии тавтологической безысходности, ибо невозможно в наше время **военными** средствами и способами исключить и преодолеть **военные** конфликты, не вникая в ПРИЧИНЫ и не преодолевая ПРИЧИН межэтнических противоречий. А *причиной* как раз и является *собственность*, отношения собственности, *отчуждающие* друг от друга нации, классы, человеческих индивидов *вследствие различия их положения и их интересов в системе разделения труда*.

Итак, следовательно, экономические отношения противопоставляют друг другу нации, классы и отдельных индивидов как соперников, как конкурентов.

Но не менее важен и вопрос о том, *как* стимулируют людей экономические отношения?

Экономика очень специфично стимулирует человека. Она стимулирует его прежде всего в качестве потребителя и вместе с этим – как творца товара (вещи – товара), то есть: *если* она его стимулирует, то – **во имя товара**, но *НЕ стимулирует его творчество во имя творчества!* А последнее как раз и необходимо заложить сегодня в реформы – как их принципиальную и функциональную основу, как их *начало*, как их «определяющий момент», ибо МЕНЬШЕЕ (т.е. стимулирование человека как потребителя, как творящего по мерке товара, как – ограниченного товарной потребностью) – **НЕ обеспечит НАМ ТОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ реформационного процесса, которая ныне объективно необходима**, чтобы не только накормить, одеть население и дать каждому индивиду достойное жилище (всё это ЭКСТЕНСИВ по сегодняшним меркам!), но чтобы, **во-первых**, справиться с наступлением экологической катастрофы и чтобы, **во-вторых**, осуществить современную *технологическую* революцию под знаменем гуманизма ТАКИМ ОБРАЗОМ, чтобы в ней ведущую функцию осуществляли социальные и интеллектуальные технологии, отодвинув на второй план технологии, имеющие утилитарно-меркантильный смысл, как это характерно для экономики и адекватных ей технологий, чтобы, **в-третьих**, осуществить «революцию гуманизации труда» и сделать это в духе ценностей XXI века!

Иной подход к реформам, опирающийся лишь на утилитарно-меркантильные силы (то есть подход, сохраняющий в отношении к человеку лишь условия товарного фетишизма) не в состоянии будет помочь нашему обществу преодолеть ту недоразвитость (и вызванную сталинским тоталитаризмом искалеченность), что досталась нам исторически (и чего «не одолели» мы вследствие «своеобразия» нашей истории в XX веке).

5. Экономический тип мышления, характерный для современности вообще и в частности для нашего правительства (которое, видимо, «загипнотизировано» яркостью и изобилием магазинных витрин в наиболее экономически развитых странах Запада) может обнаружить свою недостаточность только тогда, когда мы *сумеем посмотреть в корень* экономической субстанции (а не на пресловутые витрины).

Известно, что у экономики как у начала, как у сущности – два «полюса»: меновая стоимость и потребительная стоимость товара, которые «переходят друг в друга».

Но ведь в качестве товара выступает ещё и человеческий индивид, который может представлять собой **рабочую силу**, а может ещё проявляться как **творческая личность**, обладающая потенциалом, который превосходит меновую стоимость и заведомо несоизмерим с её товарно-вещественным выражением.

И только тогда, когда мы сопоставляем меновую стоимость, которая обычно на рынке имеет вещественное (или денежное) выражение, и личностный творческий феномен (талант, способности, высокий профессионализм, творческий потенциал, новаторский склад высшей нервной деятельности и т.п.), – обнаруживается, что ЭТИ два «полюса» **несоизмеримы**. А ведь творческий потенциал личности в системе экономических отношений и другие, циркулирующие в экономике феномены, молчаливо оцениваются как однопорядковые и выступают как меновые эквиваленты... Естественно должен возникнуть вопрос: как могут допускаться и признаваться такие вот «несоизмеримые эквиваленты» как будто бы однопорядковые социальные явления?!

Это возможно только в том случае, *если* на экономическом детерминизме в мозгу управленческих субъектов «свет клином сошёлся», если общество и его управленческие и правительственные структуры заранее и *заведомо отказывают* себе и обществу в интенсивной модели развития (в модели, которая талант ставит выше товара) и *обрекают* личность и её потенциал творчества на ограниченный товаром социальный статус, на статус, состоящий в том, чтобы *быть* эквивалентом любого банального товара в его вещественном выражении и не

проявлять *безмерности* своих творческих возможностей.

Поскольку «товар» и «талант» – действительно несоизмеримы и при нормальном мышлении не должны и не могут ставиться в отношении эквивалентности друг другу, – то возникает вопрос, как нам ДОЛЖНО проводить реформы, КАК нам *должно* стимулировать не стоимостную, а ценностную сторону социального процесса (ведь «товар» и «талант», взятые как символы, как «опорные точки», являясь «полюсами» социального целого – действительно несоизмеримы по стоимости. То, что противостоит меновой стоимости в лице творческого потенциала человека, оказавшись в потоке товарно-денежных отношений – формально товаром, на самом деле товаром не является, а представляет собой воплощение совершенно иных жизненных отношений, которые надо определять как отношения ЦЕННОСТНОГО ряда (социально-культурные, социально-интеллектуальные, социально-педагогические, семейно-родовые, имеющие гуманистический смысл, гуманистическую суть, а не утилитарно-меркантильное содержание и значение, как это характерно для экономических явлений и отношений).

Ведь в процессе реформ речь не может не идти о творческом потенциале, о его зиждательной основе – об отношениях (= взаимодействиях), определяющих его планируемое становление. Ведь будущему обществу необходим (НЕОБХОДИМ!) чрезвычайно высокий творческий потенциал! А его зиждательные силы невозможно ведь привести в *полное действие*, во вдохновлённое напряжение посредством лишь денежного вознаграждения! – Вот о чём надо думать!

И вот ещё что: те, кто у нас ратуют за рыночную систему, представляют себе (и нам) это таким образом, что отстаивают и предлагают, якобы идеальную систему, альтернативы которой нет. Возьмём в качестве примера интервью Е. Гайдара газете «Частная собственность», издающейся как бесплатное приложение к «Известиям» (см. № 15 от 26 мая 1993 г., с. 1, 3). В этом интервью всё мышление известного экономиста предстаёт таким образом, что рынок, частная собственность, деньги и другие экономические категории – охватывают собой всё: всё «жизненное пространство и время», и никаких, *де*, иных моделей социального мышления, заслуживающих внимания в том положении, в каком оказалась наша страна, – быть не может, ибо в рыночной системе человечество *достигло, де*, идеала – высшего состояния культуры производства.

Но в прессе западных стран нет такой идеализации рыночной системы. Например, в связи с раскрытием чудовищных проявлений, коррупции в Италии можно прочитать такие откровения:

«Никаких идеалов больше нет, – заявил Беттино Кракси, главный участник скандала, связанного с разоблачением коррупции среди официальных лиц в Италии, – мы лишь реализуем интересы» (см. статью Тео Зоммера в «Цайт», Гамбург, «Проверка на прочность», перепечатка в «За рубежом», № 19 от 14-20 мая 1993, с. 9).

Характерно, что и Б. Кракси и Егор Гайдар понимают «интересы» сугубо субъективистски и *субъективно*: как *частные* интересы. Никто из них не догадывается, что могут существовать ещё **объективные интересы эпохи** и что именно абсолютизация частных (= субъективных) интересов создает тупик для общества, в котором «командует» «рыночная система».

Тео Зоммер отмечает, что в западных странах, – «например в Италии – к уродливым общественным явлениям относились терпимо, поскольку главным была борьба с коммунистами. **Однако теперь повсеместно, от Рима до Токио, обнажается гнилость системы**». (См. там же, подчёркнуто мною. – Н.Н.)

Итак, следовательно, западные аналитики видят гнилость системы, которая в воображении и в аргументах Е. Гайдара преподносится нам если не как идеал, то как пример для подражания.

Егор Гайдар не замечает порочности, тупиковости и бесперспективности своего мышления, потому что во всех его аргументах перед нами предстаёт «экономически ограниченный индивид». А между тем Гайдару внемлют, приглашают для интервью в крупнейшие органы печати. И не только его, но и других экономистов, то есть – других экономически ограниченных индивидов. Почему это происходит – нам предстоит этим заняться через несколько страниц...

Происходит это, – если сказать в первом приближении – потому что *социальный интеллект нашего общества для реформ не созрел*, ибо всё ещё остаётся экономически ограниченным интеллектом. Он не может «встать над самим собой», возвыситься над экономической догматикой. И потому, слушая Гайдара, журналисты находят «свои», «понятные» им мысли, **хоть в них и нет решения проблем реформ**. Ситуация экономического отчуждения, существующая более двух тысячелетий, породила «синдром экономического мышления» как

массовое всеобъемлющее явление, которое, в его обыденных проявлениях, категориально не осознаётся, и лишь потом, в высказываниях экономистов, *узнаётся* слушающей аудиторией как «своё» мышление. Но это «своё» мышление есть толчение экономической воды в экономической ступе – занятие, совершенно непригодное для осуществления реформ на переломе эпох, на переходе в третье тысячелетие, **в котором будут совершенно новые технологические основы жизни и новые ценностные ориентации и новая типология труда.** Экономическое же мышление – это мышление, лишённое исторического долженствования. И потому – при экономическом мышлении (сегодня, у нас) возможно лишь топтание на месте.

Реформы же должны перевести Россию в новую эпоху, в новое качество и, следовательно, продвинуть её вперёд в *историческом* отношении. А Е. Гайдар рассуждает так, будто время стоит на месте и меняется лишь экономика, которая будто бы обладает самодостаточными ресурсами и – вечна.

Вот его рассуждения. Проанализируем их.

1. «Россия никогда больше не будет Россией с экономикой, которая финансируется государством. Эти ресурсы исчерпаны, это ушло...

Налогов, которые можно выбить с предприятий (надо бы сказать: «из» а не «с») и людей, просто не хватит. Попытка же осуществить то же самое за счёт инфляционного госфинансирования заведомо подрывает какие бы то ни было перспективы.

Государство, естественно, всегда останется субъектом финансирования в размере, предположим, двух процентов от валового национального продукта. Но это *не рост*. Реальный рост зависит от элементарного – частных инвестиций и сбережений». Далее следуют два замечательнейшие гайдаровские «если», в которых мы не властны.

«**Если** в России по долгосрочной перспективе будут частные инвестиции и сбережения, то экономика будет *расти* динамично. **Если** таковых не будет, мы окажемся в положении долгосрочного застойного высокоинфляционного равновесия с растущим дифференцированием доходов».

– От чего это зависит? – спрашивает корреспондент.

– В первую очередь, конечно же, от финансовой стабилизации, – отвечает Гайдар. – Если у нас номинальные параметры цен скачут в разы (прелесть, какой язык: «номинальные параметры цен скачут в разы»; и как не преклоняться перед такой «НАУЧНОСТЬЮ!»), на десятки процентов вниз, то никакие долгосрочные частные инвестиции вообще невозможны и просто бессмысленны... Нельзя сначала заниматься экономическим *ростом*, а затем бороться с инфляцией. Серьёзный экономический *рост*... зависит от капиталовложений, а их, повторяю, не будет без финансовой стабилизации»... (Во всех случаях термины «рост», «не рост», «расти», употреблённые Е. Т. Гайдаром, выделены, мною – Н.Н. Это сделано мною с целью подчеркнуть количественную направленность мысли Е. Т. Гайдара, о чём ещё будет сказано далее. – Н.Н.) Получается, что Россия никогда не выберется из этого тупика, когда финансовая стабилизация зависит от экономического роста, а экономический рост – от капиталовложений которых никто не хочет делать, и страна так и останется «в положении долгосрочного застойного высокоинфляционного равновесия с растущим дифференцированием доходов».

Каков пассаж! Каким цинизмом надо обладать (и одновременно какой нравственной тупостью!), чтобы так беспардонно провозглашать «растущее дифференцирование доходов» (которое, видимо, не коснётся клана, к которому принадлежит автор такого прогноза для России). С Россией они уже покончили. В известной песне Игоря Талькова есть слова о России: «Тебя связали кумачом и опустили на колени...»

Теперь новые «реформаторы», окончившие в своё время московский финансовый институт и родственные ему вузы уверены, что они уже связали Россию финансовыми путями и вот-вот опустят её на колени: «Россия никогда больше не будет страной с экономикой, финансируемой государством». Егор Гайдар железно уверен, что «эти ресурсы исчерпаны, это ушло».

Егор Гайдар как правоверный догматик уверен, что Россия никак не обойдётся без доминанты экономики.

Догматик от экономики, кто бы он ни был как человек, национал, политик... **не может вообразить**, что выход из тех трудностей, в которых на рубеже XXI века оказалась Россия, заключается в том, чтобы НЕ упираться лбом в экономику, а найти новые, метаэкономические рецепты, соответствующие XXI веку. На экономической основе у России выхода в сущности нет, т.к. финансовая стабилизация зависит от экономического роста, а экономический рост – от

финансовых капиталовложений, которых никто не хочет делать.

И коль экономика оборачивается к нам инфляцией и растущими разрывами в доходах, то ведь недурно было бы сообразить и попытаться размышлять и действовать без экономической догматики – без этой абсолютарной установки на систему отношений, в сфере которых собственность господствует над деятельностью, тем более, что на Западе, – как пишет Тео Зоммер, экономика обнаруживает свою гнилость?! (См. там же.)

Почему Россия должна идти в XXI век по правилам XIX века?! И чем, в сущности, заняты наши экономисты в конце XX века? Они решают задачи конца XIX – начала XX века. Хороши «новаторы» – не правда ли?! Они – экономисты!! А ядром экономики являются финансы. Экономика у них тождественна финансам. И неважно, кто там её «финансирует»: государство или частники! Экономика *сама по себе порочна*, сама по себе *анахронизм* на перевале в третье тысячелетие, независимо от того, что догматики поклоняются ей как ИДОЛУ, без которого БУДТО БЫ «нельзя»!

Экономика сегодня анахронизм, потому что в XXI веке законом жизни становится *доминирование* живого творческого труда над трудом мёртвым, над трудом накопленным, над трудом, проявляющимся как функционирование **рутинной рабочей силы**, тогда как в XIX и в XX веках законом было *господство* труда мёртвого, воплощённого в деньгах, или в механических средствах производства, или в товарах... над функционированием рутинной рабочей силы, которую, в её закосневших и повторяющихся воплощениях, в сущности-то и нельзя назвать «живым трудом». И дело не во временных сроках этого переворота, а в ТЕНДЕНЦИИ, которая выступает как ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ, как объективная потребность наших дней!

И дело сегодня ведь НЕ в том, *какая* собственность (частная или государственная) выдвигается на первый план в качестве НАЧАЛА всей организации социального процесса! Дело в том, что в проектах экономистов на первый план выдвигается СОБСТВЕННОСТЬ, а не ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Когда в качестве начала («отправного пункта») всей организации процесса социальной жизни выдвигается СОБСТВЕННОСТЬ (общественная ли, или частная, – безразлично) – это значит что в качестве *принципа* жизнеустройства избрана установка на мёртвый труд (ибо что такое собственность как не мёртвый труд?). А это – экстенсивно и негуманно (ибо разве может считаться гуманным – подчинение живых сил социума мёртвому началу?!).

Заблуждение (либо – ограниченность мышления) Е.Т. Гайдара (как и заблуждение большевиков во главе с В.И. Лениным) заключается в том, что ставка (надежда, иллюзия, «принцип») избран в области *экстенсивного* начала – в области *собственности* – без ПОНИМАНИЯ, что любая форма собственности – это мёртвый, накопленный и, следовательно, сегодня – экстенсивный труд («отработавший» свою задачу труд, как отработавший свою функцию пар), и поэтому все чаяния идеологов (политиков, администраторов) с таким уровнем мышления – бесперспективны в нашу эпоху, объективно «требующую» доминанты творчества – установки на приоритеты сферы суперживого труда.

Экономика – есть ОГРАНИЧЕНИЕ в принципе: *ограничение производства потребительных стоимостей* (в том числе – и качеств людей) – *меновая стоимостью*. Это понятно и без Маркса, хотя мы находим это именно у него (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 393). Пресловутый «капитализм» Е. Гайдара потерпит крах с такой же неизбежностью, как потерпел крах «коммунизм» В. Ленина, так как в обоих случаях **установка делается на собственность**, т.е. на экономику. Это-то и порочно. Ленин не понял, что переход к высшему обществу, которое он называл коммунизмом, может состояться не в результате отрицания частной собственности в пользу государственной, – которую временами называли общественной, – а в результате отрицания той и другой (и частной, и общественной), то есть – в результате «отрицания отрицания» *собственности вообще* в пользу приоритета ДЕЯТЕЛЬНОСТИ! Но понимать под этим надо не деятельность суммы рутинных *рабочих сил*, порождаемых мануфактурным разделением труда, которое сохраняется и при индустриализме, а ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ высшую, творческую.

Для перехода к высшему, то есть – к более совершенному – обществу – отрицанию отрицания должна быть подвергнута не только собственность, но и традиционная деятельность, существующая в форме мануфактурного разделения труда. Ленин был весьма странным марксистом, **если иметь в виду лично его, им пройденную школу в области философии истории**, так как он не читал, во-первых, «Немецкой идеологии», которую надо *штудировать* в буквальном смысле слова, и, во-вторых, ему следовало бы не просто читать «Анти-Дюринг», а читать, размышляя над ним вновь и вновь – **в свете основных положений «Немецкой**

идеологии» как источника подлинной философии истории. Например: «Разделение труда и частная собственность – это тождественные выражения: в одном случае по отношению к деятельности говорится то же самое, что в другом по отношению к продуктам деятельности». (Это из «Немецкой идеологии», т. 3, с. 31.)

Поэтому исторической нелепостью выглядит предпринятое у нас ленинское, а потом и сталинское «уничтожение» частной собственности (осуществлённое декретами) ПРИ сохранении традиционного разделения труда, **тождественного частной собственности!**

Точно так же философской нищетой веет от нашей сегодняшней «приватизации», которая в сущности есть попытка отмены ленинских декретов о национализации, (т.е. является игрой в юридические бирюльки) и свидетельствует о непонимании того, что сущность действительного обновления России на рубеже третьего тысячелетия связана с преодолением традиционного разделения труда, которое препятствует РАЗВИТИЮ творческих сил индивидов. А эти творческие силы и являются как раз сегодня самым главным рычагом подъёма производительной мощи государства. Ведь это же явная нелепость (историческая и логическая), когда финансисты по образованию и по роду профессиональной деятельности претендуют (*и берутся!*) за то, **чтобы наладить УНИВЕРСУМ древа российской жизни и российской истории.** Войдя в «финансовый раж», они неизбежно отсекут у этого «древа жизни» все ветви и все питающие его листочки (всю крону) и оставят один, известный и понятный им, «хлыстик» «финансового стимулирования».

Так надо ли нам, российскому обществу, *позволять* им проделывать над нами такой эксперимент?! Не хватит ли с нас «экспериментаторов» ничем не доказавших свою компетентность и гуманизм?!

Вот что по этому вопросу высказал Борис Ракитский, академик РАН (см. «Megapolis Continent» № 32 от 12-18 августа 1993 г., с. 8): «Народу наше правительство лжёт с самого начала. Ни одно дававшееся им обещание не было выполнено. Обращаясь к народу в поисках доверия и поддержки, говорят одно, а затем поступают совсем иначе. В начале реформы, например, исходили из двойного повышения цен, но они моментально возросли в двадцать раз и пошли расти дальше. Гайдар, признав впоследствии, что обман народа был запрограммирован, сказал: не могли же мы афишировать, что десятикратно собираемся увеличивать цены, кто бы нам это позволил, кто бы с этим согласился? (Это ли не цинизм?! – Н.Н.)

Обманывающее народ правительство потеряло доверие, авторитет и сменилось. Но и президент и нынешний премьер Виктор Черномырдин упорно говорят, что проводится прежняя политика. Действительно, игры с народом продолжаются, а всё, что делается, направлено к тому же – к первоначальному накоплению капитала по проекту, разработанному Международным валютным фондом. Проект был опубликован во многих изданиях. Лично я, – говорит Б. Ракитский, – познакомился с ним на страницах газеты «Вопросы экономики». Это очень циничная программа по отношению к нашей стране. Цель её – превращение России в полуколонию (что и сформулировано без всякого стеснения), деиндустриализация, разрушение нашей промышленности и многое другое».

Из-за того что в нашей стране никого никогда серьёзно не учили философии истории в качестве «инструмента», а точнее – метода организации социальной практики – большинство наших людей не знает, что экономика – это такая динамика отношений, в системе которых мёртвый труд (прошлое) *господствует* над трудом живым (над настоящим) – над трудом как проявлением рабочей силы в рабочее время на рабочем месте. И именно в силу такой природы экономики в её потоке мёртвое хватает живое, и при инфляции, при финансовой нестабильности каждый частный собственник, подверженный (в силу своей «частности») стяжательскому интересу, – держится за свой капитал (т.е. – за накопленный труд) и не хочет инвестировать его в производство, чтобы он не обесценивался «в разы»: «нельзя сначала заниматься экономическим ростом, а затем бороться с инфляцией, – говорит Е. Гайдар. – Нельзя: потому как мёртвый труд господствует над трудом живым! *При господстве стяжательского интереса* (а это важнейший мотив экономики) накопленный труд дороже («ценнее») для собственника, чем расцвет живого труда в его высшем качестве. Поэтому частные инвестиции невозможны и вообще **«БЕССМЫСЛЕННЫ».** Это значит, что СМЫСЛ, с точки зрения экономиста Гайдара, эгоистичен, это только *частный* «смысл», И общественно-исторического *смысла* как бы и нет «в природе вещей» социальной жизни. Поэтому у Е. Гайдара за *начало* приняты *частные* инвестиции и сбережения. Над этим следует серьёзнейшим образом задуматься! Всем!

И мысль о том, что при продумывании модели реформ, можно взять за НАЧАЛО не

стоимость, не товар, а *творческие вложения* которые не имеют меновой стоимости и вообще происходят НЕ из экономической сферы, а отражают объективные интересы и потребности *эпохи* (а не субъективные эгоистические интересы!) – вообще не может зародиться в экономической голове!

А ведь что нам надо при осуществлении реформ? Нам необходимо, чтобы НАЧАЛА реформ отражали объективные интересы социума; чтобы эти интересы отражали **необходимость гуманистического изменения** социума!

А чего хотят гайдары и геращенко? Они хотят пожинать «плоды» того, что они учинили, так как, по их мнению, «командные высоты» в обществе, организуемом *экономически*, окажутся в их руках, в руках экономистов, а остальное, как говорится, – «дело техники». И дело здесь не в том, искренне ли они убеждены субъективно, что «альтернативы рынку нет». Убеждены в этом они, несомненно, искренне! На то они и экономисты, чтобы верить в свою догматику. Но дело в том, что экономический интерес *эгоистичен*. А это значит, что даже при искренней убеждённости в неизбежности экономической модели для дальнейшего существования нашего общества, та готовность к занятию командных экономических постов в нём, которая проявилась, говорит о присутствии в этой готовности эгоистического интереса. Никто не проявил «гносеологического сомнения»: никто не высказался по поводу *чрезвычайной сложности*, с одной стороны, российской истории, а, с другой, по поводу *чрезвычайной сложности* наступающей эпохи. Расхватили посты в правительстве, и никто не призвал к углублённому теоретическому исследованию реальности, перед которой оказались и народ и правительство. Более того, Е.Т. Гайдар склонен вещать свои «истины» тоном пророка (см. упомянутый номер «Частной собственности» от 26 мая 1993 г., № 15).

Над Россией учинили новый эксперимент, бессмысленный и беспощадный, *и никто из экономистов-реформаторов не обязался нести за это ответственность*. А безответственность рождает авантюристов и ведёт к авантюрам.

А ведь ясно же, что искренняя СУБЪЕКТИВНАЯ убеждённость в необходимости «построения капитализма», как выражается Егор Гайдар, не может заменить ОБЪЕКТИВНОЙ истинности того мышления, которое необходимо нашему обществу в нашу эпоху.

Возьмём ещё один аспект из высказываний Гайдара: «Реальный рост зависит от элементарного – частных инвестиций и сбережений». Вот что доминирует в сознании Е. Гайдара: РОСТ, т.е. – *количественный* подход, количественная доминанта.

А что если подойти с КАЧЕСТВЕННОЙ стороны к делу реформации России?! Почему об этом не подумали?!

А что если *сначала* заниматься качественным изменением (если «нельзя сначала заниматься экономическим ростом, а затем бороться с инфляцией», как говорит уважаемый Е. Гайдар)? Е.Т. Гайдару как «экономисту до мозга костей» такое не приходит и не может прийти в голову! Что такое экономика? Экономика – это наёмная рабочая сила, которая ограничена в действии своём – меновой стоимостью! Видимо Е.Т. Гайдар **как экономист** полагает, что наёмная рабочая сила будет существовать вечно и что в мире, следовательно, не будет качественных изменений!

Но вот (недалеко ходить) цитированный уже нами Тео Зоммер в гамбургском «Цайт» пишет: «Сегодня в Европейском сообществе 17 миллионов безработных, по три с лишним миллиона соответственно – во Франции, Британии и, при честном подсчете, в Германии. Техническая рационализация скоро подведёт нас к точке, когда в производстве будет занята лишь одна шестая часть трудящихся. Но найдутся ли для остальных достаточно хорошо оплачиваемые рабочие места в сфере услуг и информации? Или технический прогресс в посткапиталистическую эпоху приведёт к сокращению численности работников промышленности, как это уже было с крестьянством и сельхозрабочими? Не сделает ли он людей **как рабочую силу** ненужными, подобно тому, как трактор в своё время сделал ненужной лошадь? Здесь вырисовывается центральный конфликт ближайшего будущего. Массовая безработица как устойчивое явление – выдержит ли это демократия? (См. там же.)

Но так как демократия и экономика – это «близнецы-братья», то правомерно спросить: «А выдержит ли это экономика?!» Ясно, что нет; экономика не выдержит возрастания безработицы, охватывающей традиционную рабочую силу: она не в состоянии создать ресурсы, чтобы из каждой тысячи рабочих содержать без работы 833 человека на пособия по безработице. Другой аспект этой проблемы: экономика (т.е. отношения собственности) враждебна современному технологическому прогрессу, т.к. новейшие технологии делают ненужной рабочую силу как

социальную (экономическую) категорию, т.е. как категорию, из которой вырастает экономика.

Иными словами, если мы будем основывать наши реформы на экономике, то должны сохранить технологии XIX века, т.к. экономика враждебна новейшим технологиям, которые отрицают её как систему отношений и ценностей: при экономике невозможно двигать СОВРЕМЕННЫЙ технологический прогресс, Но что это за реформы, если они не сочетаются с техническим прогрессом?!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«В каком обществе мы живём?» – такова тема дискуссии, которую открыла «Литературная газета» в № 32 от 11 августа 1993 г., буквально повторив формулировку Ю.В. Андропова от 11 июня 1983 г.

Андропов сказал тогда: «...если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живём и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».

Как показывает сегодняшняя инициатива ЛГ, вопрос о природе нашего общества так и не получил должного внимания и разработки: мы до сих пор не знаем своё общество и плохо представляем, как его исследовать. Фактически Ю.В. Андропов своим заявлением о неизученности российского социума, так сказать, «дезаурировал» и Ленина с его «социалистической революцией» в России, и Сталина с его социализмом, «построенным в основном», и Брежнева с его суловским «развитым социализмом».

Заявление Ю.В. Андропова было по существу сформулировано резко, хотя – в очень обтекаемой форме (не знаем, де, в должной мере, не полностью раскрыли, де, присущие ему закономерности, особенно экономические). Последнее – это вообще «перл», так как обнаруживает мистическую уверенность в том, что *должны быть* какие-то *неведомые*, не непременно – экономические закономерности! Почему непременно экономические? Да потому что в социальном сознании тотально властвует «синдром экономического мышления», и поклонение идолу экономики само собой «ложится на язык»! Как ещё мог выразить свою мысль Генсек ЦК КПСС, когда он берётся рассуждать о законах развития общества? Только так, как диктует «синдром экономического мышления»!

«Литературная газета» в № 32 начала новую серию толчения воды в ступе по вопросу о том, в каком обществе мы живём. Само по себе повторение этого вопроса после 10-летнего перерыва и недоумения – это пример удивительной косности российской социальной мысли. Анализировать надо НЕ ЭТУ (фаталистическую) постановку вопроса: «в каком?» Само собой сложившемся – что ли?!

Мыслить надо посредством аподиктических суждений, высшей формы суждений вообще, которые помогут сформулировать ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ, перед которым стоит страна (да и мир в целом). Вот это и есть достойный предмет дискуссии! Не «в каком обществе мы живём», а – какое общество должно быть нами построено (и, следовательно, *предварительно* смоделировано, обосновано, критически переосмыслено, творчески доработано с достижением ясности его основ и его логики ДЛЯ ВСЕХ), ИСХОДЯ из объективных обстоятельств, перед которыми стоит страна и мир в целом – вот тема для размышлений и теоретических построений.

– «В каком обществе мы живём?»

– А ни в каком обществе мы не живём, если рассуждать адекватно наступающей эпохе ... ибо НЕТ в нашем *народонаселении* общности, достойной человека, так как НЕТ ОБЩЕГО ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА.

Что это за «общество», когда целый год грузины убивали абхазов, а абхазы – грузин? А ведь все они – одного поля ягоды. Это называется «общество» (возьмём теперь отношение грузин к русским), когда «вас (русских) просто заставляют за бесценок продать своё жильё и убраться подобру-поздорову» (см. «Megapolis Continent» № 31 от 5-11 августа 1993 г., с. 8)?

Это называется «общество», когда миллионы русских оказались заложниками в странах так называемого «ближнего зарубежья» (см. статью Лидии Графовой в «Известиях» от 14 августа 1993г., стр. 5), а при возвращении в Россию – никому до них нет дела?! Это называется «общество», когда есть преступность, которая растёт, коррупция, которая «плюёт» на интересы «ближнего», и мафия, которая вообще свидетельствует, что общности нет. Это называется «общество», когда стяжательство и корысть разрывают социум на части? – И при этом нас

поучают гайдары, геращенко и прочие экономисты, что надо мыслить экономически! Неужели не ясно, что экономическая фундаментальность давно исчерпала себя и держится только силою ПРЕДРАССУДКА – как «синдром экономического мышления»?

ЛГ начала свою дискуссию о нашем обществе статьёй проф. Алексея Кивы, написанной по поводу статьи Р.И. Хасбулатова о «русской идее». Профессор Кива показал, что поиск «русской идеи» напоминает поиск чёрной кошки в тёмной комнате. Такое начало дискуссии, надо сказать, не очень удачно, так как не очень фундаментально. На фундаментальное понимание нашего общества наталкивает факт распада СССР. Этот факт распада свидетельствует, что не было ни идейных, ни материальных «СКРЕП», которые воспрепятствовали бы такому распаду, и пресловутая социалистическая общественная собственность не сработала и не помогла сохранить целостность. А ведь её трактовали как ОБЪЕКТИВНУЮ основу общества! То-то и оно-то: разделение труда было буржуазным, а собственность почему-то называли социалистической! О чём в сущности должна в конце концов идти речь, когда поднимается вопрос о нашем обществе и о реформах *как не о начале начал?*!

Эпоха, в которую мы вступаем, выдвигает на первый план вопрос о новом опосредствовании – необходимости новых СПОСОБОВ обмена веществ между человеком и природой – о настолько фундаментально новых способах обмена веществ, что за «точку отсчёта» надо брать время, когда на Земле не было кислородосодержащей атмосферы (а она-то и есть НАЧАЛО и ПОКАЗАТЕЛЬ нынешнего типа обмена веществ), и естественный фотосинтез с помощью зелёных растений начал её создавать. Этот факт приобретает сегодня фундаментальное значение в связи с тем, что все человеческие технологии (особенно интенсивно развивавшиеся с началом промышленной революции конца XVIII века в Англии) были и остаются **ОКИСЛИТЕЛЬНЫМИ по своей энергетике**, то есть – действовали и действуют как фактор и как тенденция, контрарно противоположная естественной тенденции формирования кислородосодержащей атмосферы Земли. Тип технологического процесса, шедший рука об руку с экономическим «прогрессом» контрарно противоположен тенденции и законам эволюции жизни на Земле, связанной с дыханием кислородом, так как означал и означает возрастание CO_2 в атмосфере. И *сжигание* громадных количеств органического топлива, накопленного в недрах земной коры естественным процессом фотосинтеза (за сотни миллионов лет отмиравшая биомасса превращалась в топливо) становится сегодня фундаментальным показателем того, что дальнейшее возвращение в атмосферу углерода, изъятого из неё 1 млрд лет назад зелёными растениями – вместе с углекислым газом и упрятым когда-то естественным путём в недра Земли, – становится сегодня *критическим* показателем состояния всей цивилизации, *критическим* показателем состояния данного ТИПА технологии, имеющейся у людей (и именно – неорганической технологии) и *критическим* показателем ЭКОНОМИКИ и характерных для неё принципов ПОЛЬЗЫ, ПРИБЫЛИ, ВЫГОДЫ, СТОИМОСТИ, при игнорировании гуманистических ЦЕННОСТНЫХ показателей социальной динамики как главных, как обязанных оцениваться ныне в качестве главных и решающих при оценке их обществом конца XX века.

Совокупность обстоятельств, в которых человечество оказалось в конце XX века, привела к необходимости сформулировать критерии технологии и критерии ценностей, с которыми цивилизация сможет идти в следующий век.

В общем и целом человечество должно избрать в качестве ориентиров технологической политики курс на технологии, аналогичные фотосинтезу и технологии биосинтетического характера, не увеличивающие количества CO_2 в атмосфере. С такой установкой логически коррелируется и курс на развитие талантов, способностей и вообще творческого потенциала личности в качестве преобладающих ценностных ориентаций, ибо именно это необходимо для прорыва к торжеству новых технологий и новой цивилизации.

Технологии, опирающиеся на окислительную энергетику, сегодня являются враждебными перспективами дальнейшей жизни человечества на планете. Из этого факта вытекает всё остальное.

Вторая негативная черта технологий, имеющих у современного человечества – это их ЭНТРОПИЙНЫЙ характер, то есть ТО, что все они протекают с катастрофически громадным РАССЕИВАНИЕМ вещества и энергии в окружающую среду в ТАКИХ пропорциях (от норм самого технологического процесса), что это вызывает нарушение экологического равновесия биосферы и подрывает вообще жизнь, в том числе и человеческую. В качестве примера упомяну, что лучшая по принципу извлечения энергии тепловая электростанция обладает коэффициентом полезного действия всего в 40%. Остальные 60% сразу же рассеиваются в окружающей среде,

составляя так называемое «тепловое загрязнение». Но так как неорганические технологии вообще несовершенны, то потери энергии и вещества (например, металла, уходящего в стружку) продолжаются по всей технологической цепочке и достигают колоссальных размеров.

Для существующих ныне технологий как главного аппарата, обеспечивающего обмен веществ между человеком и природой (а эти технологии следует называть неорганическими, чего, к сожалению, не делают), счёт потребности в сырье и в топливе измеряется эшелонами железнодорожных вагонов. А теперь сравним это с технологиями, «разработанными» природой (которые следует назвать органическими т.к. они создают и белки, и жиры, и углеводы, и витамины, и лекарственные вещества и т.д.), в качестве примера возьмём созидательные функции зелёного листа растений, который являет собой «микрофабрику», и потребляет она кванты энергии, а «сырьё» доставляется корневой системой (да и листья сами «питаются» из атмосферы, усваивая углерод) буквально по *атому*, а не эшелонами. И характерно, что энергия и вещество в среде органических технологий не рассеиваются в пространстве, загрязняя среду, а концентрируются в «очагах созидания», которые одновременно выступают и как «продукция», – т.е. технология имеет антиэнтропийный характер) (негативная энтропия, или негэнтропия, есть такой термин).

Объективно уже совершенно ясно, что неорганические технологии, достигнув ныне в форме индустриализма объёмов, сравнимых с геологическими катаклизмами, – ведут к гибели и биосферы, и человека. Поэтому человечество объективно уже не может больше ждать, когда произойдёт «просветление в умах», и различие между неорганическими и органическими технологиями станет моментом истины общественного сознания, и всем станет ясна концепция необходимой технологии, необходимой, чтобы выжить, сохранив биосферу, и соответствующим образом ПРАКТИЧЕСКИ относясь к механико-физико-химико-термическому индустриализму.

Понимание феномена технологии у наших реформаторов (да и в современном мире) является эмпирическим, т.е. в сущности *никаким*, т.е. настолько неопределённым, что оно не связано с концепцией активного строительства БУДУЩЕГО.

А это просто губительно. Но этого никто не понимает. Одно дело – понимать губительность существующей *неорганической* технологии, тогда это может действовать как стимул выживания, и другое дело – не понимать этого. Ю.Ф. Карякин свою статью в «Megapolis Express № 31 от 11 августа 1993 г. озаглавил так: «Надо жить, исходя из угрозы глобальной смерти». Вот эта угроза глобальной смерти и проистекает как раз из типологии существующей ныне технологии. Но *понимание* этой угрозы отсутствует. Произнося слово «технология» в своей внутренней речи, люди в массе своей подразумевают совокупность средств, обеспечивающих *утилитарные* цели и *меркантильную* выгоду. Инерция психики, модели интеллектуальных построений таковы, что утилитаризм и меркантилизм технологического мышления не допускает и вытесняет возможные (и необходимые!) *гуманистические* идеи, мотивы и действия: в сфере технологического целеполагания, А это как раз и губительно. Из-за утилитаристско-меркантильной *инерции* сознания люди очень нескоро спохватятся, что упускают время для реализации действительно необходимой технологической политики, давая поработить себя экономическим (т.е. утилитарно-меркантильным) целям, Это именно рабство, при видимости свободы!

Таким образом, субъективная ориентация людей вступает в противоречие с объективными интересами их собственного будущего. И это губительно. И губительно особенно потому, что реформаторы не понимают философии технологии, не понимают, что ныне необходимо делать акцент на превращение моделей природных (органических) технологий в искусственные. А для этого необходимо развивать Социальные и интеллектуальные технологии, т.е. работать над возвышением человека: как главной ценности.

Сегодня положение нашей страны и, следовательно, проводимые в ней реформы должны оцениваться под углом зрения ориентации на будущее (а не на воспроизведение «прошлого»). А это требует от народа (а не от одних только реформаторов) – совершенно новой МЕРЫ суждений, более высокой в историческом смысле, требует новой типологии ответов и вообще – новой культуры мышления, которая может явиться только как следствие социально-интеллектуальной революции. Иными словами, адекватные эпохе реформы не состоят только в стабилизации финансовой системы (с тем, чтобы от этого произошёл рост производства товаров), а предполагают параллельный финансовой стабилизации процесс преобразования сознания масс людей в духе утверждения новых ценностей и гуманистической морали, и эту социально-интеллектуальную революцию должны осуществить социально-педагогические структуры и институты, в том числе и семья, которую надо строить на уровне государственной задачи

первостепенного значения. Без этого страну не поднять. Страна должна настраиваться не просто на удовлетворение утилитарных потребностей масс людей, закосневших и «одеревеневших» в своём утилитаризме, а произвести, – КРОМЕ ТОГО И ВМЕСТЕ С ТЕМ, – новую типологию, новое качество, новый ДУХ этой массы людей, (это и означало бы: «жить, исходя из угрозы глобальной смерти») – как нового субъекта истории. Это ныне – приоритет всех приоритетов. И в толковании, и в понимании, и в реализации этого нового феномена ПРОИЗВОДСТВА – надо именно его брать за исходный пункт.

Вопрос, который достоин дискуссионных усилий сегодня, должен быть сформулирован так: «В чём ИСТИНА современного производственного (в самом широком смысле понимаемого – как производственного) ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ?».

Такая постановка вопроса предполагает, что общество обрело адекватный социальный разум в результате социально-интеллектуальной революции. Следовательно, предполагается, что целеполагание может быть истинным, а может быть и ложным. И истинное целеполагание должно быть сосредоточено на возвышении *человека*, а не на повышении курса рубля.

Ни горбачёвы, ни гайдары, ни геращенко до такой постановки вопроса не поднимались (и не способны были подняться из-за своего тотально утилитарно-меркантильного интеллекта).

И любые другие «претенденты» на «должность» реформаторов, – до тех пор пока они в интеллектуальном отношении остаются «продуктом» условий старого производства (с традиционной технологией, со старым разделением труда и с логикой экономического мышления) – «продуктом» производства, объём и содержание которого остаётся утилитарным, утилитарно-примитивным, то есть – не возвышающимся к решению гуманистических задач, – окажутся банкротами в деле реформ.

Б.Ш. Окуджава в «Известиях» № 43 от 6 марта 1993 года высказал мысль о *преступлениях вследствие слепоты*, которые были совершены после революции октября 1917 года поколением, решавшим тогда проблемы эпохи.

Думается, что этим высказыванием поставлена и сформулирована нравственно-гносеологическая проблема, связанная не только с поколением, вышедшим из октябрьской революции 1917 г. Проблема состоит в том (а её пока не уловила наша российская философская мысль), что *если* ответственные лица, берущие на себя функцию реформаторов и вообще представляющие истеблишмент, парламент, – *мыслят неверно* то это безнравственно и преступно, преступно и безнравственно. Если мыслят неверно!

Сегодня это в высшей степени актуальное умозаключение, от решения, которого зависит наше будущее и, следовательно, успех реформ. Прежде никто не считал себя ответственным по поводу того, *как* он мыслит. Сегодня, на новом витке исторической спирали, – именно потому, что это **НОВЫЙ ВИТОК**, – необыкновенно обостряется опасность *«преступлений вследствие слепоты»*, опасность сохранения традиционных моделей (шаблонов) мышления по вопросу о ПРОИЗВОДСТВЕ и по вопросу о КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТА ПРОИЗВОДСТВА, тогда как всё переменялось, и «надо жить, исходя из угрозы глобальной смерти», как уже было цитировано выше. Это значит, что надо ПРЕОДОЛЕВАТЬ эту угрозу ГЛОБАЛЬНОЙ СМЕРТИ, и преодолеть её можно *только* ФУНДАМЕНТАЛЬНО.

Наши уважаемые реформаторы, – как это ни прискорбно признать, – пребывают в состоянии психологического и теоретического заблуждения по вопросу об истинности тех мер, способов, средств, при помощи которых предполагается вывести Россию из нынешнего её кризиса. Заблуждение проявляется, прежде всего, в том, что этот кризис хотят преодолеть лишь *экономическими* методами и средствами, ТОГДА КАК на самом деле (при действительно ФУНДАМЕНТАЛЬНОМ подходе) необходимо менять тип мышления. А это значит, что надо переходить от господства логики экономического мышления к доминанте логики гуманистического мышления. А это, – В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, – предполагает глубокие перемены в технологии: прорыв в сферу нетрадиционных технологий. Это значит, что ведущими (БОЛЕЕ ВЕСОМЫМИ, что ли) надо делать органические технологии, социальные технологии, интеллектуальные технологии. Иными словами, если традиционные (= неорганические) технологии были сосредоточены на переработке *вещества* и на *трансформациях энергии*, то новые, нетрадиционные, технологии сосредоточены должны быть на работе с *человеком* – на *возвышении* человеческих качеств и отношений в гуманистическом плане и направлении.

В целом можно обобщить так: неорганические технологии, на которых зиждутся экономика, старое разделение труда, обмен и стоимость, – являются *трансформационными* технологиями, для оценки эффективности которых важны количественные показатели, счёт в

различных единицах, в том числе и в денежных; органические технологии (куда правомерно включить и социальные и интеллектуальные) следует определить как *качественно-преобразующие*, как подлинно созидательные (поскольку для них количество – не главное, а главное новое состояние «предмета труда», в данном случае – человека). Поэтому на органических технологиях зиждутся метаэкономические отношения, для которых характерны реализация ценностных отношений и показателей, интеграция (= ассоциация) труда на место его разделения, и новая форма богатства, реализующаяся как полное выявление творческих дарований человека, приходящее на смену занудному обмену как обмену стоимостными эквивалентами; благодаря этому богатству творческого созидания возникают ресурсы производительности и богатства, которые не могут возникнуть в сфере экономики, поскольку в сфере экономики возникновение всякого богатства ограничено заранее установленным масштабом имеющейся в наличии меновой стоимости (финансовых ресурсов).

Изложенная выше система умозаключений уже достаточно определённо показывает, что сегодня в рассуждениях о всех обстоятельствах наступающей эпохи – мыслить сугубо экономически – значит мыслить неверно, значит проявлять *слепоту* по поводу ВСЕЙ СЛОЖНОСТИ обстоятельств. *А слепота эта преступна.*

На самом деле необходимо менять тип мышления: на первый план надо выдвигать *деятельность, которая непосредственно влияла бы на человека.* Необходимы глубокие прорывы в сфере социальной организации населения при посредстве технологий, реализующих знания гуманитарных наук, в частности – при посредстве социально-педагогических новаций. Подрастающие поколения надо учить по-новому и кадровый состав страны надо переучивать и население в целом надо постоянно учить, ориентируя его на то, что высшей ценностью является формирование нового типа личности, чтобы у этой личности преобладали не экономические («хватательные»), а гуманистические и гуманистически-конструктивные ориентации.

Выводы об основных идеях теории реформ:

1. Основная идея предстоящих (адекватных эпохе) реформ состоит НЕ ПРОСТО в том, чтобы *экономические* реформы продолжались, а в том, чтобы сменить типологию реформ, (сменить доминату реформ) сменить курс на метаэкономическое направление. Если сейчас (по Гайдари и с точки зрения других экономистов) центральным моментом и *основным устоем* реформ является финансовая стабилизация, а активизация человеческих созидательных сил рассматривается как «зависимая переменная» (или вообще не рассматривается), ТО действительно необходимая глубина реформационного переворота, – и всякое иное мнение – ложно, – должна быть сосредоточена на активизации ЧЕЛОВЕКА (то есть – всех связанных с ним связей и отношений), а финансовую стабилизацию – рассматривать как производное от этой, гуманистической, активности, которую надо сделать ДОМИНИРУЮЩЕЙ.

А это значит, что реформаторская деятельность, помимо экономического аспекта, должна включать в свой объём и содержание ещё четыре:

1) Социально-педагогический аспект, который не сводится, конечно к школьной педагогике, а включает постоянное, систематическое, настойчивое воспитание и образование человеческих душ в духе приобретения новых ценностей и ценностных ориентаций, и форм здесь – много;

2) Технологический аспект, который состоит в том, что надо различать неорганические и органические технологии, как это уже было сказано выше. А последние включают в свой состав биологические, социальные и интеллектуальные технологии, деятельность в сфере каждой из которых имеет непосредственное реформационное значение для *развития* ЧЕЛОВЕКА, ибо это начисто отсутствует у экономистов;

3) Аспект фундаментально-научных разработок как в области естественных наук, как в области гуманитарных наук⁴, так и в области эпистемологии, и, наконец, в четвёртых, чтобы реформировать Россию, необходимо:

⁴ Совершенно справедливо отмечает в своей статье «Если не по карману наука, то будущее – печально», – академик Ж. Алфёров, вице-президент РАН, что если наше (*сугубо экономически ориентированное*) правительство не находит средств для поддержания российской науки, то это значит, что никакого будущего у этой России нет. (См. «Известия», № 162 от 27 августа 1993 года, стр. 4). Подчёркнутые слова внесены мною. – Н.Н.

4) Осуществить социально-интеллектуальную революцию в умах всего населения России: как в области социальной психологии, так и в области социальной идеологии (т.е. в области *концептуального мышления*, которое ныне большинству русских и российских людей совершенно недоступно).

Таким образом, реформы в России вместе с экономическим аспектом имеют пять направлений, и без этого единства пяти направлений не могут быть реализованы.

При этом надо иметь в виду, что экономический аспект реформ отнюдь не является главным, фундаментально-первичным и в своём «изолированном приложении» совершенно бесплоден *в условиях перелома качества эпохи*, перелома, который происходит на наших глазах.